

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

СОН РАЗУМА

ЭКСМО

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Сон разума

«Автор»

2002

Ливадный А. Л.

Сон разума / А. Л. Ливадный — «Автор», 2002 — (Экспансия: История Галактики)

Трагическая смерть профессора Кречетова, автора теории строения гиперсферы, неожиданно и невероятно отзывается на судьбе его племянника. Отпуск лейтенанта космofлота Андрея Кречетова превращается сначала в расследование, а затем в экспедицию к центру загадочной аномалии космоса, куда не добирался еще ни один разведывательный корабль. Однако пункт прибытия лейтенанта оказался совсем не таким как он предполагал – восемь планет, позже названных «Ожерельем» обращались по орбите вокруг энергетического сгустка, и одна из них на поверку оказалась обитаемой.

© Ливадный А. Л., 2002

© Автор, 2002

Содержание

ПРОЛОГ.	5
Часть 1.	10
ГЛАВА 1.	10
ГЛАВА 2.	32
ГЛАВА 3.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Ливадный

СОН РАЗУМА

ПРОЛОГ.

Три миллиона лет до нашей эры. Неизвестная точка пространства...

Пять космических кораблей, каждый из которых был похож на огромную, отрубленную в запястье трехпалую кисть руки, медленно скользили на фоне блеклого желто-коричневого шара безжизненной планеты.

Существа, управлявшие космическими аппаратами, во всем отличались от людей – в их облике нельзя было угадать ни одной гуманоидной черты, разве что глаза, во взгляде которых сквозил разум, скрашивали вызывающую чуждость строения тел.

Две плоских головы, посаженные на длинных гибких шеях, могли смотреть в диаметрально противоположных направлениях, туловище у этих существ почти не прослеживалось – там, где сходились их гибкие мощные шеи, сразу начинались четыре лишенных суставов ногощупальца, снабженные по всей длине присосками и оканчивающиеся ороговевшими подобиями ступней... или ладоней?.. откуда росли острые загнутые когти.

Вероятно, их прародиной был океан, но исчезновение жаберных щелей и наличие когтей на гибких конечностях ясно свидетельствовали, что, выйдя на сушу, двухголовые миллионы лет эволюционировали на тверди материков родной планеты.

Их речь состояла из ритмичного чередования шипящих и щелкающих звуков, иногда переходящих в тихий нежный посвист.

Обстановка рубки управления головного космического корабля также разительно отличалась от технических решений, которые будут присущи цивилизации людей много тысячелетий спустя: центр шарообразного помещения занимали два непомерно широких «кресла», внешне напоминающих открытые створки ракушек земных моллюсков; пред ними изгибалось покато дугообразное вздутие, по матовой поверхности которого мелькали едва приметные огоньки, и всюду, куда ни глянь, в воздухе без всякой видимой опоры висели замысловатые, причудливо изогнутые нити, набранные из черных кристаллов, образующих подобие статично подвешенных иероглифов.

Их назначение, по всей видимости, было узкоспециализированно – оно определялось формой изгибов и количеством отдельных кристаллов, сопряженных в нить.

...Тихий тоновый сигнал прозвучал в тишине рубки; одно из существ, управлявших кораблем, повернуло правую голову, грациозно изогнув при этом змеиную шею, и одновременно коснулось острым когтем концевого кристалла ближайшего к нему «иероглифа».

Часть матовой стены мгновенно осветилась.

Существо, чье изображение возникло в глубинах активированного экрана связи, стояло на поверхности той самой планеты, по орбите которой скользили пять кораблей.

– Девятая попытка, Лю, – проскрежетал голос, похожий на медленный скрип плохо смазанных дверных петель. Издававшее эти звуки существо резко отличалось от тех, кто управлял космическими кораблями. Абонент, вышедший на связь с поверхности безжизненной планеты, выглядел как огромное насекомое, вставшее на задние конечности. Его широко расставленные фасетчатые глаза, лишенные зрачков, не отражали осмысленности взгляда, но их хозяин, несомненно, обладал разумом. – Если и этот эксперимент закончится неудачей, мы больше не сможем помочь вам, – завершил он начатую фразу.

– Я осведомлен об этом, – ответил пилот корабля. – Прошлые неудачи связаны с иными свойствами пространства, куда мы отправляем миры. Глава твоей Семьи должен понимать всю сложность эксперимента. Теперь мы изменили тип источника энергии и более надежно защитили порталы. Включайте свои устройства и срочно эвакуируйтесь.

– Да, – проскрежетало в ответ разумное насекомое.

Связь оборвалась.

Пять космических кораблей включили двигатели, удаляясь от планеты, которой был уготован путь в неизведанное.

Лишь бесстрастные объективы приборов видеозаписи продолжали наблюдать за огромным тускло-коричневым шаром, который начал плавно, без катастрофических рывков менять свою орбиту.

Изменения являлись столь незначительными, что зафиксировать их могли только самые чуткие приборы, но представители обеих сотрудничавших в этом эксперименте рас вполне отдавали себе отчет в том, что в ближайшие сутки станет с планетой и самим светилом системы.

Устройства, изобретенные разумными насекомыми, уже двигали огромный мир, выводя его на гибельную траекторию, которая пролегла в непосредственной близости от фотосферы звезды, а двухголовые ксеноморфы, чье автоматизированное оборудование было надежно спрятано в глубине планетарной коры, отвечали за конечную фазу эксперимента.

В случае удачи для двух рас открывался путь к сотням иных миров, которые они смогут заселить.

В случае провала их всех ждала смерть, ибо их родные планеты уже подверглись разрушительным атакам со стороны неразумных, всепожирающих космических форм жизни...

* * *

Три миллиона лет спустя. Планета Элио, столица Конфедерации солнц...

Андрея Кречетова разбудила назойливая трель компьютерного терминала.

Он открыл глаза.

Электронные часы, вмонтированные в потолочную панель над изголовьем кровати, показывали три часа ночи.

Пора было вставать – в семь утра он уже должен заступить на боевое дежурство.

Потянувшись, Андрей поднялся и напрямик пошел в ванную комнату, где уже шумел включенный домашней компьютерной системой душ. Через пару минут бытовой терминал выдаст подогретый завтрак, а еще через полчаса бортовой компьютер выведет его машину из подземного гаража здания и припаркует к подъезду.

Наступал обычный рабочий день, отличавшийся от других лишь тем, что завтра у лейтенанта Кречетова начинался отпуск.

Проходя мимо основного терминала домашней компьютерной сети, лейтенант вдруг услышал характерное шипение, и из стены в плоский поддон внезапно выскочила герметичная капсула пневмопочты.

Странно... – Он остановился, глядя на плотно укупоренный цилиндр. Его удивление можно было понять – Андрей не имел тесных знакомств на иных мирах, и получать посылки было просто не от кого.

Наверное, ребята из взвода решили разыграть перед отпуском, – подумал он, заходя в душ.

Вернувшись через пять минут, он сел завтракать.

Цилиндр по-прежнему лежал в поддоне, но Андрей вспомнил про него лишь после того, как отпил глоток кофе.

Протянув руку, он взял послание и приложил его торец к окошку сканера.

«Отправитель, – высветилась надпись, считанная с магнитного маркера, – Земля, Институт Дальнего Космоса, профессор Кречетов».

Дядя? – недоуменно подумал Андрей, и мысль о шутке отпала сама собой: между ним и единственным родственником, проживающим на Земле, уже много лет сохранялось стойкое неприязненное отчуждение, причиной которого были трагические события двадцатипятилетней давности. Андрею было трудно вообразить себе обстоятельства, при которых профессор Кречетов стал бы обращаться к племяннику с просьбами или отправлять посылки.

Это настораживало.

Андрей медленно положил цилиндр на стол, взглянул на часы и негромко произнес:

– Объемное сканирование.

Домашний терминал, настроенный на голос хозяина, послушно заморгал индикаторами.

Прошло около двадцати секунд, которые Андрей просидел не шевелясь, и голос домашней системы кратко сообщил результат:

– Сканирование завершено. Послание содержит инородный носитель информации. Взрывчатых, токсичных или иных вредных веществ не обнаружено.

Андрей опять взглянул на часы. У него в резерве оставалось от силы десять минут – опаздывать на боевое дежурство он не собирался ни при каких обстоятельствах.

Что ж... Посмотрим. – Он взял цилиндр, отвернул крышку и вытряхнул его содержимое на стол.

Клацнув о пластик столешницы, оттуда вывалился черный кристалл величиной с крупный грецкий орех.

Андрей сразу узнал, что перед ним. Это был так называемый логр – мини-компьютер расы логриан, двухголовых ксеноморфов, которые, как и раса разумных насекомых, инсектов, вот уже пятнадцать лет входили в состав образованной человечеством Конфедерации солнц. Оба упомянутых народа принадлежали к древним цивилизациям космоса, пережившим свой расцвет и упадок три миллиона лет назад.

Контакт с молодым, энергичным человечеством и образование союза с объединенными планетами людей позволили двум древним расам начать новый виток своего исторического развития, постепенно возвращая утраченные за миллионы лет регресса знания.

Это был трудный процесс интеграции, и лейтенант Кречетов знал о нем не понаслышке, – пути сближения трех народов, населяющих известный участок космического пространства, были извилисты, а порой и противоречивы.

Андрей с подозрением смотрел на логр, не касаясь его.

Для него не составлял секрета тот факт, что логриане были самой технически развитой цивилизацией древнего космоса, а наиболее ярким примером их технологий как раз являлись именно такие, уместающиеся в ладони миниатюрные вычислительно-запоминающие устройства, которые по своим характеристикам успешно соперничали с ультрасовременными компьютерами... И хотя большинство бытующих среди людей кристаллов являлись артефактами, пережившими миллионы лет забвения, но они не утратили за этот период ни своих свойств, ни помещенной на них информации...

Время поджимало, и, взглянув на часы, он аккуратно взял колючий логр, внимательно рассматривая его поверхность.

Подделка или нет?

С тех пор как двухголовые ксеноморфы вошли в состав Конфедерации, человечеству были переданы многие древние технологии, и на некоторых планетах уже появились первые опытные производства, которые выпускали подобные кристаллы, но, рассмотрев полученный

по пневмопочте логр, Андрей безошибочно определил – перед ним оригинал, которому как минимум три миллиона лет.

В таком точном, безапелляционном выводе не было ничего удивительного – лейтенанту, чей взвод уже не раз выполнял миротворческие миссии на самых разных планетах, по долгу службы вменялось в обязанность обладать широкой эрудицией, владеть языком иных рас и специальными техническими знаниями из ряда областей науки...

...Решения этим ранним утром диктовал таймер, который показывал, что остается еще девять минут свободного времени, и Андрей, одеваясь, вставил полученный информационный носитель в адаптированное гнездо домашнего терминала.

Тускло вспыхнул полусферический стереомонитор, и в его глубинах внезапно появилось изображение, заставившее Кречетова на секунду застыть, так и не застегнув наплечной кобуры с табельным оружием.

...Четыре логрианских корабля, похожих на трехпалые кисти рук, включив маршевое ускорение двигателей, спешно удалялись от темно-коричневого шарика планеты, которая также разгонялась, все быстрее двигаясь на фоне неподвижного рисунка созвездий.

Что за сила толкала планету, Андрей догадался сразу, как только в поле зрения запи-сывающей камеры попал стремительно удаляющийся от места событий космический корабль насекомых, имеющий вид длинного черного конуса. Разумные насекомые владели уникальными технологиями – в частности, именно они построили знаменитую Сферу Дайсона, огромный искусственный мир, имеющий форму эллипсоида вращения, внутри которого было заключено тускло-красное родное светило насекомых. Для возведения этого циклопического сооружения они использовали материал планет своей солнечной системы и устройства, которые могли перемещать огромные планетарные массы, изменяя орбиты их движения.

Затаив дыхание, Андрей следил за явно ускоренной, сжатой во времени записью.

Ракурс съемки внезапно изменился – видимо, корабль, с которого она велась, остано-вился на безопасном расстоянии и включил системы оптического умножения.

То, что Андрей увидел в течение следующей минуты, потрясло...

Снятый крупным планом шар планеты приближался к звезде, следуя по касательной тра-ектории относительно светила.

Шли секунды, в которые логрианское устройство записи спрессовало часы, а может, даже и дни реального времени, и прямо на глазах желто-коричневый шар планеты стал приобре-тать красноватый оттенок – он раскалялся, двигаясь на невероятной скорости всего лишь в нескольких миллионах километров от границы фотосферы звезды. Однако полет планеты был столь стремителен, что ее поверхность не успевала расплавиться, по ней змеились трещины, от раскаленного шара к светилу внезапно взмывали огромные куски раскаленных пород – это тяготение взъярившегося солнца вырывало фрагменты планетарной коры, – но раскаленный шар, налившийся темно-вишневыми красками, уже проскочил критическую точку своей новой орбиты, и в следующий миг сжатая запись продемонстрировала закономерный итог: удаляясь от звезды, масса планетоида потянула за собой часть звездного вещества в виде узко направ-ленного плазменного протуберанца, который нес в себе невероятную энергию не прекращаю-щегося даже в таких условиях термоядерного синтеза.

Еще секунда, и в космосе полыхнула вспышка, ослепившая все записывающие видео-устройства.

Запись оборвалась.

Андрей стоял, глядя в потемневшую полусферу стереомонитора, не в силах адекватно воспринять только что увиденный фрагмент.

Он не понимал ни смысла катастрофической записи, ни повода для странной посылки, которую профессор Кречетов не удосужился снабдить хотя бы краткой пояснительной запис-кой.

Из замешательства его вывел сигнал компьютерного терминала – машина уже ожидала его у подъезда, и Андрей, не раздумывая больше, вынул логр из адаптационного гнезда, сунул его в клапан наплечной кобуры, где покоилась запасная обойма к импульсной «гюрзе», быстро оделся и вышел из квартиры.

С загадочным посланием можно разобраться позже, а впереди его ждал напряженный день: сегодня на Элио прибывали для переговоров главы планетных общин насекомых, и взвод лейтенанта Кречетова был призван обеспечивать их безопасность на одном из участков правительственной трассы, ведущей от космопорта планеты к президентскому дворцу.

Часть 1. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА 1.

Точка пространства – неизвестна. Реальное время – неизвестно...

Утро выдалось прозрачным, кристально чистым. В предрассветных сумерках слегка подмораживало, как это бывает в конце осени, но с восходом солнца стылая земля быстро прогрелась, и пожухлая трава, ломкая от ночного инея, вся покрылась дрожащими капельками росы.

Предательский след тянулся по росистому лугу, но его невозможно было скрыть: серые валуны, принесенные сюда в незапамятные времена сползавшим с гор ледником, лежали слишком редко, далеко друг от друга, чтобы можно было воспользоваться ими как тропой, перепрыгивая с камня на камень.

Все равно собаки найдут... – подумалось ей. – От этих тварей не скроешь своего запаха, хоть пари в воздухе...

Остановившись на краткое мгновение, она огляделась.

Выше и ниже темнел лес. По склону, что уходил вверх, росли редкие сосны, и там негде было укрыться – пространство между отдельными стволами просматривалось на сотни метров вперед, и лишь неизменные, поросшие мхом каменные глыбы могли дать защиту, но ненадолго...

Взгляд вниз порождал в душе невольную тоску.

Лиственный лес, пройденный в предрассветных сумерках, с первыми лучами солнца предстал во всей своей красе: кроны деревьев золотились осенним нарядом, кое-где среди моря листвы виднелись подпалины багрянца или полоской темнели никогда не расстающиеся с летней зеленью сосны.

Ветер нес оттуда пряный запах осени и поднимал вместе с восходящими потоками воздуха невесомые паутинки.

Умирать таким солнечным золотисто-багряным утром не хотелось – мысль о смерти становилась совершенно невыносимой...

А что делать, если осталось всего шесть патронов, а продержаться нужно до вечера, до темноты, когда небеса нальются фиолетово-черными красками ночи и Круг сможет начать свой танец-полет с единственной целью – достичь разума человека, который очень далеко отсюда и не подозревает о грядущих, назревающих с каждой секундой событиях.

Чуть прихрамывая, она наконец миновала предательский луг, где на влажной примятой траве зримо пролегла дорожка ее следов, потом, остановившись под сенью пограничных деревьев соснового редколесья, оглянулась и вдруг увидела, как по промятой ею тропе мчится иссиня-черный пес с мощными лапами, широкой грудью и вставшей на загривке шерстью.

Вздрыгнув от неожиданности, она машинально прижалась спиной к шероховатому стволу дерева и, вскинув автомат, спустила курок.

Все произошло в считанные секунды. Пес был уже в десятке метров от нее и мощным усилием выходил на смертельный прыжок, когда в сторожкой утренней тишине звонко лопнул одиночный выстрел, – пуля ударила чуть ниже лба, пробив голову зверя меж горящих злобным огнем красноватых глаз.

Жуткий охотник на людей, зверь, вскормленный специально для травли, вдруг коротко, по-щенячьи взвизгнул. Его тело, утратив упругость мышц, безвольным кулем прокатилось по

траве, пачкая ее алой кровью. И тут же, без права на вздох, не давая опомниться, со стороны лиственного леса втугую ударил крупнокалиберный пулемет.

Стрелок был опытным, хотя вел огонь издали, ориентируясь на слух. Пули с влажным треском впились в кору деревьев; вниз полетели подрубленные ветви, остро запахло сосновой смолой, звонко, визгливо ударил рикошет, и вдруг все стихло, только медленно кружили в воздухе кусочки остро пахнувшей коры, да во рту появился солоноватый привкус крови – это давало знать о себе внезапное напряжение.

Медленно повернув голову, она увидела свежую отметину на шершавом стволе в десяти сантиметрах от лица, ей даже показалось, что из глубины древесной раны выглядывает тупая оконечность пули, но это были мимолетные мысли и образы. Пригибаясь и чуть приволакивая вывихнутую на крутом склоне ногу, она поспешила вверх, туда, где темнели замшелые валуны, укрывшись за которыми она сможет видеть только что пройденный луг от края до края.

Пусть идут. Пусть...

Исчезло мимолетное наваждение утренней красоты, мир вокруг преобразился, став враждебным и неприветливым.

Теперь в ее автомате оставалось всего пять патронов.

* * *

Планета Элио. Пригород Раворграда, правительственная трасса МК-17. Утро...

– Блокпост пять, ответьте координатору.

Лейтенант Кречетов коснулся сенсора коммуникатора.

– Пятый на приеме. – Он оглянулся, машинально следуя привычке, и добавил: – Все чисто.

Правительственная трасса плавилась в знойном мареве подступающего полудня. От нагретого стеклобетона змеились зыбкие струйки горячего воздуха, искажая очертания далекой кромки леса.

– Орбитальные челноки завершили посадку, – сообщил голос в устройстве связи. – Главы Семей планетарных общин насекомых проследуют в загородную резиденцию через тридцать минут.

– Они будут проезжать мою зону ответственности? – уточнил Кречетов.

– Нет, кортеж будет двигаться по МК-12.

Значит, на сегодня все... – машинально подумал Андрей. Десять минут назад по семнадцатой трассе проследовали машины президента Конфедерации солнц. Сейчас Шейла Норман и сопровождающие ее лица уже достигли охраняемой резиденции, где будет проходить встреча глав всех планет, входящих в обновленную Конфедерацию.

– Хорошо, я понял, – ответил Андрей координатору. – Продолжаю наблюдение.

– Не расслабляйтесь. Смена в шестнадцать ноль-ноль.

– Понял вас, – повторил Андрей.

Коммуникатор тихо пискнул, отключаясь.

Закончив переговоры, лейтенант Кречетов оглянулся. Двое бойцов его взвода занимали позицию за скрытым среди листвы бронепластиковым бастионом, и с расстояния в десять метров невозможно было разглядеть, где именно расположен блокпост. Такие точки наблюдения являлись неизменным атрибутом правительственных трасс: скрытые в лесополосе, они не раздражали взгляд проезжающих высокопоставленных лиц и в то же время эффективно прикрывали свои зоны ответственности. Между лесополосой и полотном скоростной автомагистрали простиралось ровное как стол пространство, образованное участками коротко стриженных газонов. Благодаря их ширине и протяженности никто не мог незаметно подобраться

к важной автомагистрали, а бойцы, надежно защищенные укрытием, контролировали окружность радиусом в полтора километра...

Андрей перевел взгляд.

По другую сторону лесополосы вдаль уходили пространства сельскохозяйственных полей, и лишь за ними начинался обычный рельеф, а вместе с ним и привычная рядовому обывателю жизнь. Сразу за полями, в трех километрах от блокпоста, синели участки лесных массивов, меж которыми в электронную оптику хорошо просматривались окраины небольших городов-спутников, которые окружали столицу планеты Элио. Сам мегаполис имел форму подковы – его уступчатая масса протянулась вдоль маслянистой глади залива Эйкон, над поверхностью которого вздымались, соперничая с небоскребами, исполинские Раворы – знаменитая древесная форма жизни, оставшаяся от исконной биосферы планеты.

...Одиннадцать часов утра.

Сонный покой. Семь часов до смены.

Андрей направился к бронепластиковому бастиону, в тень. Через полчаса вдали проследует кортеж с главами планетных общин инсектов, и после этого на участке правительственных трасс, ведущих от космопорта планеты к столице Элио и загородным резиденциям, наступит глухое затишье, которое продлится до самого окончания переговоров.

Вообще-то несение службы на блокпостах не входило в обязанности подразделений космической пехоты, но базовый корабль, к которому был приписан взвод Кречетова, вот уже полгода как находился в планетарном доке Элио, на плановом техническом обслуживании, и космическая пехота вместе с другими подразделениями несла наземную службу.

Андрей вошел под сень деревьев, где среди кустарниковой поросли, образующей редкий подлесок, затаился камуфлированный бастион. Внутри укрытия работал кондиционер, подле амбразур расположились сержант Хилл Мортимер и рядовой Джон Скрег. Скрег был взводным снайпером, а Мортимер – специалистом по тяжелым видам вооружений, к которым относились импульсный лазер, установленный у левой амбразуры, и автоматическая мини-пушка, укрепленная на крыше бронепластикового укрытия. Каждые десять секунд механизм автоматического орудия совершал полный оборот вокруг оси, обшаривая стволом и сопряженными с ним сенсорами все триста шестьдесят градусов сектора обстрела.

– Пока тихо, командир, – доложил Мортимер, как только лейтенант перешагнул порог укрытия.

– Все внимание в сторону двенадцатой трассы, – произнес Андрей. – Минут через двадцать там будут проезжать главы планет инсектов.

– Ясно. – Мортимер вместе с креслом повернулся к тактическому дисплею, набрал директиву, и на экране появилось увеличенное изображение пустого отрезка МК-12, расположенного в семи километрах от зоны их ответственности, за двумя барьерами искусственных лесопосадок. Там располагались другие блокпосты, и изображение на экран транслировалось через их приемопередающие устройства.

Андрей сделал глоток остывшего кофе из оставленной им чашки, потом подошел к Скрегу и взял снайперскую винтовку модификации «ИМ-200», снабженную оптико-электронным компьютерным прицелом и системой тепловидения.

Оружие было легким, удобным и эффективным.

Посмотрев на плоский дисплей, Кречетов поднял оружие, используя его как бинокль, и повел стволом из стороны в сторону, осматривая «тыловые» подступы к блокпосту.

Это было скорее данью профессиональной привычке, чем осознанной необходимостью, но, взглянув на плоский монитор снайперского прицела, Кречетов вдруг заметил нечто неординарное.

«Внимание» – машинально подал он условный знак рукой.

Все действия лейтенанта резко отличались от принятых уставом караульной службы, которому следовали силы самообороны планеты. Это объяснялось просто: Кречетов являлся боевым офицером, прошедшим не одну «горячую точку» обитаемой Галактики, и укоренившиеся привычки не могло изменить вынужденное полугодичное «прозябание» в казарменном городке сектора «Эригон»...

...Две гуманоидные фигуры бледно-золотистого цвета двигались в их направлении со стороны ближайшего поля, засеянного низкорослой гречихой.

В первый момент Андрей оцепенел: два нежно-золотых силуэта показались ему каким-то непонятным, причудливым бликом, воспринятым снайперской оптикой как световая помеха...

Он сморгнул, посмотрев поверх прицела на простирающееся по ту сторону лесополосы поле.

Никого. Лишь ленивый ветерок слегка волнует султанчики соцветий, тесно прилепившихся к тонким травянистым стебелькам.

– Хилл, отсканируй поле гречихи.

Мортимер, который после условного знака напряженно следил за командиром, повернулся к панели сенсоров.

Андрей протянул винтовку ее владельцу:

– Быстро доложи, что ты видишь?

Джон приник к снайперской оптике, чуть повел стволом и ответил:

– Две золотистые фигуры... – он запнулся, – гуманоидного типа, движутся к нам, дистанция триста метров.

– Подтверждаю, – раздался за спиной голос Мортимера. – Засвечиваются только в теплом диапазоне.

Кречетов коснулся сенсора связи.

– Первый, докладывает пятый пост. У нас гости. Включаю канал телеметрии с сенсоров бастиона.

Через несколько секунд пришел ответ координатора. Две золотистые фигуры за это время едва ли успели пройти десяток шагов.

– Пятый, вижу ваших гостей. Почему отсутствует нормальный видеоряд?

– Их фиксирует только инфракрасная оптика. В обычных лучах они невидимы.

– Броня «хамелеон» не дает такого эффекта...

– Я знаю. – Кречетов не был настроен рассуждать, обмениваясь техническими подробностями с незнакомым майором. – Они сейчас войдут в тыловую зону охраны. Прошу дать конкретные указания.

Мортимер и Скрег напряженно ждали, готовые действовать в любую секунду.

Андрей непроизвольно поморщился. Масса инструкций, регламентирующих несение службы в столице Конфедерации, связывала его по рукам и ногам, как липкая паутина. Он не привык запрашивать дополнительных инструкций, когда прямо на него спокойно движется нечто неопределенное.

Невидимость двух фигур в диапазоне нормального человеческого зрения для лейтенанта уже являлась знаковым фактом.

Не тяни, майор, шевели мозгами, это не грибки и не заблудившиеся обыватели из соседнего городка.

– Пятый, действуй по обстановке.

Развязываешь руки? – мелькнула в голове лейтенанта безошибочная мысль. – А заодно и сваливаешь ответственность?

Андрея вполне устраивал такой расклад.

– Скрег... – лейтенант взглядом указал на колено.

Джон кивнул, не отрывая глаз от компьютерной оптики, лишь слегка шевельнул стволом, переводя точку прицеливания с головы левой фигуры на коленный сустав.

Автоматическая пушка, венчавшая пластиковый бастион, прекратила вращение. Теперь ее привод тихо повизгивал, осуществляя точную наводку.

Палец Кречетова коснулся сенсора громкой связи:

– Внимание, двое неизвестных, вы вошли в зону охраны правительственных трасс. У вас есть тридцать секунд, чтобы покинуть ее...

Это была чистой воды формальность, дань каналу автоматической передачи событий, который в реальном времени транслировал все происходящее на терминал координатора. Подсознательно Андрей был уверен – они не повернут вспять.

С дистанции сто девяносто метров инфракрасная оптика начала выдавать детали, и теперь стало окончательно ясно: двое неизвестных являются людьми. Оставался непонятен способ их маскировки, но тепловое излучение показывало, что у существ две ноги, две руки и одна голова... Не факт, что люди... – промелькнула в голове лейтенанта здравая мысль. – Может, хараммины?.. Нет... – Андрей умудрился сосчитать пальцы рук неизвестных. – Пять пальцев. Значит, это не голубокожие братья по разуму...

Цифры в окошке хронометра менялись удручающе медленно...

Двадцать четыре секунды... Дистанция – сто пятьдесят метров.

В этот миг они ударили первыми, не маскируясь, а продолжая при этом двигаться прямо на бастион.

Атака оказалась ошеломляющей даже для видавшего виды лейтенанта Кречетова и его бойцов.

Две золотистые фигуры внезапно остановились и начали темнеть, наливаясь тяжелым цветом расплавленного драгоценного металла. Андрею вдруг показалось, что он видит на дисплее инфракрасного сканера, как отовсюду: от деревьев лесополосы, от травянистых стебельков гречихи... да и от самой земли – к ним тянутся тончайшие нити золотистого цвета... но это длилось лишь секунду, спустя миг от застывших без движения фигур в отлично замаскированный бастион ударило два энергетических разряда.

Это не походило на слепящий росчерк молнии или острый укол лазерного луча. Два темно-красных переливчатых тепловых сгустка ясно прослеживались лишь на дисплеях термальной оптики, а в реальности их движение оставалось практически незаметно. Только воздух над полем неожиданно пришел в движение, струясь зыбким маревом, и в следующую секунду что-то ударило в укрепление, разорвавшись с оглушительным грохотом, похожим на сдвоенный раскат грома. Бастион, глубоко вкопанный в почву, вырвало из земли, заставив все сооружение подпрыгнуть от внезапно образовавшейся ударной волны, внутри укрытия лопнул экран и заискрила проводка, в воздухе резкий запах озона мгновенно смешался с флюидами расплавленной пластмассы и сгоревшей изоляции.

Мортимера оглушило, отбросив в дальний угол укрепления, Скрег и Кречетов удержались на ногах.

Дважды сухо щелкнула снайперская винтовка.

Экран инфракрасной оптики уцелел, и Андрей по-прежнему видел остановившиеся на краю поля фигуры, – он мог поклясться, что Джон попал. Два выстрела пробили золотое свечение фигур в районе колен, но зрение в этот миг словно раздваивалось, – лейтенант не мог игнорировать пустую окраину поля, которую различал небооруженный взгляд, и два султаника выбитой вверх пыли в местах, где титановые шарики снайперского «ИМа» прошли воздух, подрубив несколько стебельков гречихи и наискось вошли в землю.

Это было какое-то наваждение. Вслед за выстрелами снайпера автоматически заработало орудие, и разрывные снаряды тугой очередью хлестнули по тепловой аномалии.

С тем же эффектом. Выбитые вверх султаны земли, сладкое крошево гречихи, сизый относимый ветром дымок и... две золотистые фигуры на дисплее термальной оптики, которые стояли не шелохнувшись, лишь вновь начали темнеть, наливаясь уже знакомым тяжелым цветом расплавленного золота.

Все описанное происходило очень быстро – удар тепловых разрядов, выстрелы Джона Скрега и ритмичная очередь автоматической пушки слились воедино. Сержант Мортимер еще только пытался встать, держась обеими руками за голову, а Андрей уже метнулся к противоположной амбразуре, которая выходила в сторону МК-17, схватил установленный на съемной треноге тяжелый импульсный лазер и рывком перенес его к тыловой части укрытия.

Индикатор на панели накачки преданно тлел злобными красными огоньками – лазер был заряжен на пять импульсов. У каждой амбразуры бастиона имелись собственные крепления для тяжелого оружия; Кречетов с усилием опустил семидесятикилограммовый корпус в предназначенное для него гнездо и, не теряя ни секунды, одновременно с сухим лязгом фиксирующего устройства повел коротким толстым стволом, внутри которого был спрятан излучающий стержень из полуметрового искусственно выращенного рубина.

На прицельном дисплее лазерной установки, которая обладала своей системой тепловидения, отлично просматривались два контура золотистых человеческих тел, и Андрей успел нажать на сенсор огня раньше, чем они вторично разрядились накопленной энергией...

Два темно-красных луча вспыхнули и погасли.

Со стороны могло показаться, что потоки когерентного света прошли воздух, пустоту, как и пули снайперской винтовки, но последовавший за лазерными разрядами взрыв свидетельствовал об обратном. На краю поля полыхнуло так, словно лазерные лучи как минимум прошли незримые энергоблоки, – свет, который залил окрестности, был холодным, от него не вспыхнуло ни единой травинки, лишь все предметы в окрестностях на миг отбросили угольно-черные тени да многострадальную гречиху прибило к земле, образовав два круга полегшей травы.

Кречетов успел заметить, как по всей площади дисплея разлетаются клочья золотистого цвета... и все.

Наступившая внезапно тишина показалась ему оглушающе-ватной.

Что бы там ни было, но атаку мы отбили, – подумал Андрей, пытливо взглядываясь в окошко целевого инфракрасного монитора.

* * *

Точка пространства – неизвестна. Реальное время – неизвестно...

Позиция за замшелыми глыбами оказалась удачной: камни глубоко вросли в землю, между ними пучками выбивалась трава, а округлая форма обкатанных ледником валунов обуславливала наличие между ними расширяющихся зазоров, которые при умелом использовании представляли собой идеальные бойницы.

Лана хорошо знала науку маскировки и умела использовать преимущества, которые представлял тот или иной рельеф местности.

Ее, как и того пса, что валялся в окровавленной траве неподалеку отсюда, учили искусству боя с раннего детства. Смыслом ее жизни должно было стать убийство, а личные мотивации или желания обучающегося не имели при этом никакого значения.

Собственно, как она поняла позже, – ее просто зомбировали в ту пору, когда трехлетнюю девочку отдали на обучение в Храм.

Ненависть вырвала ее оттуда, а старые наставницы, повстречавшиеся на жизненном пути, сорвали пелену с глаз, и вот теперь настала пора отдать долг мудрым, но, как казалось ей, – беззащитным учителям.

Она не мучилась и не сомневалась. После раскатистой, упругой пулеметной очереди, что хлестнула по крайним деревьям лесистого склона, душа Ланы будто окаменела... остались только обострившийся разум, рефлексy и ощущения...

Ощущения...

Она, как дикий зверь, могла получать достоверную информацию об окружающем мире не только посредством глаз. Ее слух был более совершенным, чем у обычного человека, а обоняние по своим возможностям могло дать фору нюху застреленного пса.

Этими умениями она была обязана хирургам Храма, но ими не исчерпывались возможности Ланы, – благодаря урокам в школе Круга в распоряжении молодой женщины имелись иные способы восприятия реальности, но их черед пока не настал: день впереди был долгий, и тратить силы понапрасну казалось ей как минимум глупо – и так ясно, что со стороны лиственного леса приближается погоня...

Она едва успела оборудовать себе убежище, как внизу действительно появились люди.

Две маленькие фигурки отделились от образующих подлесок кустарниковых зарослей и сновисто, перебежками, двинулись вперед вверх по склону.

Их вид не удивил и не испугал Лану – это были люди Храма, такие же отлично подготовленные бойцы, как и она сама. Затаившись на позиции меж гранитных валунов, она видела всю площадь горного луга и могла снять продвигавшихся в ее сторону бойцов двумя одиночными выстрелами, несмотря на все их уловки.

Она бы так и поступила при иных обстоятельствах, но количество оставшихся в магазине патронов невольно заставляло ее изменить надежную тактику сдерживания на более рискованную.

Ланита невольно приподняла голову, посмотрев на солнце.

Диск светила едва оторвался от линии горизонта. До заката еще восемь с половиной часов...

Двое беспрепятственно пересекли открытую местность и, не сговариваясь, упали на землю, укрывшись за стволами сосен в ста метрах от нагромождения каменных глыб.

Лана знала, что не сможет легко спровоцировать их, сыграв на неосторожности или любопытстве, – не те это были бойцы, чтобы купиться на слабый стон или иную неуклюжую уловку.

Они тоже чувствовали: цель рядом, близко, и рассчитывать на их ошибки, а тем более уповать на милосердие не имело смысла.

Отступников Храма уничтожали. Это был закон, она знала его, знала, что ее преследователи – опытные воины и взять их можно лишь одним способом...

Машинально закусив губу, она легла в расщелину меж острых каменных глыб, постаравшись как можно надежнее, глубже укрыть голову в теснине смыкающихся серых плоскостей, и потому ее поза получилась неестественной, будто Лана уже умерла и ее тело выгнулось в предсмертной конвульсии...

Автомат она оставила в полуметре от себя.

Мысленно сосредоточившись, девушка впустила в свой разум вселенскую пустоту, позволила сознанию сжаться до размеров точки, и, только придя в состояние полной расслабленности тела, при максимальной концентрации духа, она застонала, громко и естественно, как стонет смертельно раненный человек, и тут же, не медля, оттолкнула собственное сознание в бездонную черноту...

...Один из ее преследователей, услышав стон, осторожно приподнял голову, осмотрелся, потом сделал знак напарнику, кивком указав в нужную сторону, а сам спокойно вытащил оско-

лочную гранату, надавил на утопленный в корпус диск активации и точно выверенным движением метнул рифленый шарик в теснину, образованную нагромождением каменных глыб.

Взрыв ударил глухо, не было ни столбов земли, ни султанов дыма – только взметнулся меж замшелых валунов злой оранжевый сполох огня, дрогнула почва да с заунывным воем резанули осколки металла и камня.

Они синхронно вскочили и ринулись вперед, плавно, с грациозной пластикой зверя вскарабкавшись по валунам, на поверхности которых серели свежие царапины от осколков и тлеет мох, истекая приятным, тревожащим обоняние травянистым дымком.

Оказавшись наверху, они посмотрели в обширное углубление, заваленное острыми осколками не выдержавшего многолетней эрозии валуна.

В теснине между двумя угловатыми гранитными глыбами лежало тело их жертвы – запрокинутая назад голова была зажата в узкой расселине, грудь обильно напиталась кровью, которая ритмичными толчками с бульканьем прорывалась из невидимых ран, выплескиваясь наружу сквозь посеченную осколками одежду. Ее автомат валялся в стороне.

Один из преследователей застыл на месте, направив ствол оружия на запрокинутую голову жертвы, второй осторожно приблизился к ней.

Оба преследователя были мужчинами, и на них, в отличие от простой домотканой одежды Ланы, присутствовала вся экипировка, положенная рядовым воинам Храма: плечи, грудь, спину и промежность прикрывал шуршащий при движении доспех, набранный из тесно пригнанных друг к другу серых пластин, ноги были обуты в высокие сапоги с толстой подошвой и шнурованным верхом, а головы бойцов прикрывали такие же серые, но не пластинчатые, а цельнолитые полушлемы с прозрачными забралами, прикрывающими глаза и переносицу.

На поверку выходило, что незащищенными у них оставались лишь бедра, затянутые в узкую ткань бриджей, нижняя часть лица и маленький участок шеи...

Первый из преследователей, тот, что приблизился к окровавленному, не подающему признаков жизни телу, протянул руку и осторожно коснулся пальцем тонкой голубоватой жилки на испятанной кровавыми брызгами шее девушки.

Она не затрепетала под сильным нажатием пальца, он не смог прощупать ни единого удара пульса и потому, уже распрямляясь, сказал:

– Мертва...

В этот миг Лана перестала удерживать свое сознание вне тела. Она позволила ему вернуться, ринувшись назад из черноты, мгновенно впитать все ощущения боли, которые исторгала порванная осколками плоть, и одновременно с этим окровавленное рубище пришло в стремительное движение, будто незримый дух насильно вторгся в холодеющее тело и поднял его жестким, целенаправленным, контролируемым ударом.

Тот, кто секунду назад наклонялся над «мертвой женщиной», не заметил, что в ее правое запястье глубоко вживлен заостренный конец полуметрового, сталистого на вид, но гибкого шунта, а в левом, спрятанном в широком рукаве одежды, зажат метательный нож.

Это походило на секундный кошмар, когда мертвое на вид, окровавленное тело внезапно поднялось одним плавным, тягучим рывком и обе руки Ланы стремительно вытянулись вперед. Обоюдоострый метательный нож с неприятным хрустом пробил кадык того воина, что стоял поодаль, а первый, только что констатировавший ее смерть преследователь удостоился участи более страшной: свободный конец шунта с раздвоенным, как язык змеи, острием глубоко вонзился в его горло, пробив две основные кровеносные артерии, и в ту же секунду, не давая ему упасть, освободившаяся от ножа рука Ланы перехватила обмякшее тело воина. Это был страшный миг запредельного восприятия реальности.

Она смотрела в его глаза, физически ощущая, как медленно, капля за каплей его жизнь перетекает через соединительный шунт в ее израненное тело. Этот процесс не имел ничего общего с сознанием, в нем участвовал только обмен веществ двух организмов да медицинский

метаболический преобразователь – страшное в плане этики изобретение древности, посредством которого легко раненный боец мог забрать остаток жизненных сил у своего безнадежно умирающего товарища.

Сейчас данный процесс принял иную окраску, протекая в обратном направлении – заостренные концы шунта, пробив кровеносные сосуды на горле воина, «пили жизнь» из здорового тела. Два человека – убийца и жертва – на краткое время превратились в единое целое, связанное черной глянцевитой пуповиной прибора. Все внутренние органы Ланы, остро борющиеся в данный момент за выживание, заставляли организм врага отдавать через шунт все необходимые метаболические реагенты, – она сжигала жировые запасы его тела, заставляла организм чужого человека бороться с ее собственными ранами, залечивая их... и это длилось не минуту или две, а гораздо дольше...

Рука Ланы онемела от напряжения, но она неотрывно смотрела в глаза воина, читая в них понимание протекающего процесса и жуткий животный страх... Взгляд девушки замораживал его разум, не давая пошевелить ни одним мускулом, – данному искусству ее учил Круг, и она предчувствовала, что рано или поздно ей придется воспользоваться этим запредельным для простого смертного навыком...

Кожа воина медленно усыхала, его щеки начали проваливаться, резко обозначая скулы, взгляд постепенно тускнел, теряя осознанную ясность мышления, прошло, наверное, минут десять, прежде чем Ланита со сдавленным вскриком вдруг оттолкнула от себя уже мертвое тело врага, позволив раздвоенному жалу шунта вырваться из его плоти.

Мир кружился перед затуманившимся взором, земля и небо стремились поменяться местами, и в эти мгновения ей хотелось выть, как зверю, но, кроме сдавленного стога, исторгнутого в момент обрыва контакта, ни один звук не вырвался из ее горла.

Круг...

Она должна защитить его...

Взор Ланы обрел некоторую ясность, осмысленность. Она поняла, что стоит, опираясь обеими руками о шероховатый камень, а подле распростерты два мертвых тела: под одним натекла, напитав землю, огромная лужа крови, до сих пор сочащейся из пробитого ножом горла... а второй боец Храма, лежавший у ее ног, выглядел как только что эксгумированный труп, который усох внутри своей одежды и доспехов, став похожим на хорошо экипированный, обтянутый кожей скелет.

Это сделала она...

Впервые в жизни Лане пришлось воспользоваться всеми опасными знаниями, навыками и хирургически имплантированными приспособлениями, которые были внедрены в ее сознание и плоть специалистами Храма и духовными наставниками Круга...

Взглянув на себя, она не ужаснулась, ибо то, что происходило минутой ранее, было для нее гораздо более впечатлительно, чем вид собственной одежды, покрытой ломкими пятнами свернувшейся и засохшей крови.

Зябким движением скинув со своих плеч бесформенное, но удобное рубище, которое теперь превратилось в рваную окровавленную тряпку, Лана оказалась совершенно нагой.

Взглянув на свое тело, она увидела множество длинных розовых шрамов, которые наискось тянулись по животу, задевая левую грудь.

Это были следы осколочных ранений, которые она залечила, высосав все жизненные силы из своего здорового врага при помощи жуткого древнего приспособления.

Она знала, что если судьба позволит ей пережить сегодняшний день, то многое предстанет в ее душе совсем в ином свете, но пока не имела ни минуты на раздумье.

Лана начала быстро, сноровисто раздевать усохший труп, отдавая предпочтение одежде и доспехам, которые не носили следов пролитой крови.

Надев мягкое нижнее белье, которое еще хранило остатки тепла от чужого тела, она привычным движением позволила шуршащему металлокевлару скользнуть на плечи, грудь и живот, чувствуя приятный ненавязчивый вес брони, затем обулась в высокие сапоги, в голенища которых были вшиты чехлы для метательных ножей, надела полушлем, но прозрачное забрало оставила откинутым вверх...

Повесив на спину автомат, Лана склонилась ко второму, залитому кровью телу, вытащила все имевшиеся у врага запасные магазины и гранаты, рассовала их по свободным отделениям своей экипировки, потом приподняла труп и с видимым усилием отволокла его к щели между камнями, уложив так, чтобы с определенного расстояния храмовника можно было заметить в примятой траве.

Иссохший труп второго воина она привалила камнями, чтобы не мозолил глаза своей страшной наготой, и, лишь выполнив эти операции, вернулась к намеченному заранее убежищу.

Взглянув в щель между камнями, она увидела, что по лугу неторопливо движется цепь воинов-храмовников.

Человек двадцать... – мгновенно оценил их количество взгляд, а рука уже машинально передернула затвор оружия, и короткая емкая очередь сухо рванула тишину, с убийственной точностью повалив замертво двоих ближайших к ее укрытию врагов.

Остальные мгновенно залегли, исчезли среди высокой травы, а от опушки лиственного леса вновь прицельно ударил крупнокалиберный пулемет, кроша гранит, срывая мох и высекая искры из покатых валунов.

Солнце только-только начало карабкаться к зениту...

До вечера оставалось семь часов.

* * *

Планета Элио. Три часа спустя после атаки на бастион...

Андрей Кречетов был материалистом, то есть он видел мир таким, каков тот есть на самом деле. В результате полученного воспитания и в силу рода своих сегодняшних занятий он не верил ни в мистические явления, ни тем более в конкретных существ, которым когда-либо приписывались громкие имена божеств.

В антиподов светлых сил он не верил также.

...

Кабинет генерала Дитера Грейна был просторным, но скупо обставленным, из предметов мебели тут преобладали расположенные вдоль стен сиденья и небольшие столики перед ними, в которые были вмонтированы портативные компьютеры, соединенные в локальную сеть. Рабочее место генерала отличалось более внушительным рабочим столом и двумя установленными по бокам терминалами оперативных систем.

Усаживаясь на откидное сиденье, Андрей подумал, что тут могут собираться на совещание до полусотни человек.

Сейчас в кабинете Грейна их было только четверо: Кречетов, затем незнакомый ему майор, который осуществлял общую координацию действий отдельных блокпостов... напротив ссутулившегося майора сидел также незнакомый Андрею полковник и, наконец, сам хозяин кабинета, расположившийся за своим рабочим столом меж двух перемигивающихся огнями терминалов. На стенах, декорированных зеркальным деревом планеты Рори, выделялись огромные экраны, чья темная поверхность резко контрастировала с ртутным блеском зеркальной древесины.

– Итак, лейтенант, что вы можете пояснить по поводу сегодняшнего инцидента? – Голос генерала глухо прозвучал в большом полупустом помещении.

Кречетов встал, но Дитер Грейн остановил его мягким жестом:

– Сидите, лейтенант.

– Сэр, по существу я могу доложить лишь одно: в одиннадцать часов три минуты мной были обнаружены два неопознанных, светящихся в инфракрасном спектре существа, которые приближались к блокпосту со стороны тыловой запретной зоны, – произнес Андрей. – Я связался с координатором и, получив приказ действовать согласно обстановке, по громкой связи оповестил неизвестных о том, что они нарушили границы зоны охраны правительственных трасс.

– Вы им дали время, чтобы уйти?

– Да, господин генерал. Тридцать секунд. Вполне достаточно, чтобы исправить оплошность, учитывая, что они едва пересекли отмеченную предупреждающими табличками линию запретной зоны.

– Понятно... – Дитер Грейн сцепил пальцы рук в замок. – И что последовало дальше, лейтенант? Они остановились?

– Нет. На двадцать четвертой секунде оба существа замедлили шаг, изменили интенсивность своего свечения, которое по-прежнему регистрировалось только в тепловом диапазоне, после чего в сторону блокпоста ими было выпущено два тепловых заряда, которые взорвались при соприкосновении с бронепластиком. В результате укрепление было сорвано с опор, а сержант Мортимер получил контузию. Рядовой Джон Скрег открыл ответный огонь из «ИМ-200», целясь по ногам неизвестных, но выстрелы импульсной винтовки не причинили им вреда. Секунду спустя сработало автоматическое орудие бастиона, но и его заряды также не возымели действия. Оценив обстановку, я по характеру атаки понял, что мы имеем дело с энергетическими образованиями, и применил к ним адекватное оружие.

– Лазер? – уточнил молчавший до сих пор полковник.

– Да, сэр. – Кречетов чуть повернул голову. – Я уничтожил их из импульсного стационарного лазера.

– Уничтожили, лейтенант? – с сомнением в голосе произнес полковник.

– Да. На мониторе инфракрасной оптики я отчетливо видел, как от эпицентра двух взрывов разлетались бесформенные фрагменты золотистого свечения.

– Хорошо, лейтенант, тогда скажите: как вы можете оценить природу этих существ и примененное ими оружие? – спросил Грейн.

– Оружия я не видел, сэр, – ответил Кречетов генералу. – По личным ощущениям удар может быть охарактеризован как выстрел маломощного плазмогенератора... – Он хмуро взглянул на хозяина кабинета и добавил: – Если верить собственным глазам и обычной оптике, то этих существ попросту не было.

– Да, – кивнул, соглашаясь с ним, полковник. – Замедленная видеозапись событий без применения инфракрасной расшифровки выглядит именно так. На окраине поля, внутри границы запретной зоны, неожиданно появились две линии струящегося, перегретого воздуха; они удлинялись в течение пяти секунд, пока не соприкоснулись с замаскированным укрытием. Произошел взрыв, после чего по пустому участку территории было произведено два одиночных выстрела из снайперской винтовки, затем последовала очередь автоматической пушки и наконец два лазерных импульса, которые, без сомнения, уничтожили нечто, – он подчеркнул интонацией последнее слово, – находящееся там. Мои специалисты осмотрели стационарный пост и место попаданий ответного огня. Повреждения бронепластика свидетельствуют о воздействии на него высоких температур...

– А что обнаружено на месте ответных попаданий? – осведомился генерал Грейн.

– Воронки от снарядов и полегшая двумя окружностями трава. Лазерных шрамов нами не найдено.

– То есть? – приподнял бровь генерал.

– То есть лейтенант Кречетов стрелял со стопроцентной точностью, – спокойно ответил полковник. – Два разряда когерентного излучения попали в невидимые глазу образования и разрушили их структуру, что привело к «холодному» взрыву.

– Поясните, – потребовал Грейн.

– Холодный взрыв в данном случае означает разрушение устойчивой структуры энергетического поля, которое, потеряв стабильность, рассеялось, возбудив при этом воздушную ударную волну. Отсюда и круги прибитой к земле травы.

– И все же... – Генерал встал из-за стола и принялся шагать по кабинету. – Что это было? – Он повернулся к офицерам. – Это не оптические фантомы, – начал он рассуждать вслух. – Исходя из видеозаписи можно предположить, что лейтенант Кречетов вел схватку с редким, но реально существующим явлением природы. Нам известны случаи спонтанного формирования короткоживущих тепловых аномалий. – Он выразительно указал на зеркальную древесину планеты Рори, которой были отделаны стены кабинета.

Кречетов проследил за взглядом генерала и подумал, что поле гречихи никак не сравнимо с зарослями зеркальных деревьев и вряд ли генералу удастся списать все произошедшее на природные аномалии.

Однако тот и не собирался это делать.

– Инфракрасный спектр показывает иное... – продолжал рассуждать вслух генерал. – Мы видим две гуманоидные фигуры, которые при своих передвижениях не потревожили ни одной травинки, но сумели атаковать бастион при помощи маломощных тепловых зарядов. И они тут же рассеялись без остатка, как только лейтенант нарушил их структуру двумя порциями когерентного света. Так что это было? – резко остановившись, повторил он свой вопрос. – Возможно, это неизвестная нам форма энергетической жизни?! – Генерал в упор посмотрел на майора, который исполнял обязанности координатора. – Вы приказали лейтенанту Кречетову действовать по обстановке, умыв тем самым руки... а вы подумали, что они могут не воспринимать звуковых волн, не понимать, что нарушили некую зону запрета?! Возможно, они были...

– Разрешите уточнить, господин генерал.

Дитер Грейн обернулся на голос.

– Говорите, лейтенант, – недовольно разрешил он.

– Эти существа напали первыми, – произнес Андрей. – Они атаковали блокпост, а все остальное являлось уже ответными мерами на их огонь. Учитывая, что поблизости, спустя десять минут после отражения атаки, проследовал кортеж с главами планетных общин инсектов, я расцениваю это как попытку силового прорыва на охраняемую территорию...

– Я понял вашу точку зрения, лейтенант.

– Нет, господин генерал, я бы хотел добавить.

– Да? – Грейн все более мрачнел, тяжело глядя на Кречетова.

– Если бы координатор не отдал мне команды действовать по обстановке, то блокпост, скорее всего, был бы уничтожен. Кто бы это ни был – иная форма жизни, фантомы или еще какое-то неизвестное нам образование, – он осуществил неспровоцированную атаку. Промедление привело бы к гибели личного состава блокпоста!

– Похвальная солидарность, – выслушав его, ответил генерал. – Ваше счастье, лейтенант, что мы располагаем полным каналом телеметрии событий, включая запись инфракрасной оптики. Иначе вам сидеть бы не тут, а в штрафном изоляторе.

– Я знаю это, сэр.

– Тем лучше. Мне сказали, что с завтрашнего дня вы должны находиться в плановом отпуске?

– Так точно, – ответил Андрей.

– Вот и отправляйтесь отдохнуть... А мы тут будем разбираться... – Генерал повернулся к полковнику и коротко завершил: – Весь личный состав блокпоста представить к наградам. С вами, майор, мы разберемся позже. Все, полковник, оставайтесь, остальные свободны.

Дверь кабинета мягко затворилась за ними.

– Спасибо, лейтенант... – произнес майор, отирая выступившие на лбу градины пота.

– Все в порядке, – ответил Андрей, покосившись на закрывшуюся за ними дверь генеральского кабинета. – Главное, что все живы, – произнес он.

Майор кивнул, скорее машинально, чем осознанно. Видимо, беспокойство о собственной карьере затмило в его воображении ту реальную угрозу, которая вполне могла реализоваться, не взгляни Андрей в оптику снайперской винтовки.

– А все-таки что это было, лейтенант? – словно очнувшись, повторил он вопрос генерала.

– Не знаю, – пожал плечами Кречетов. – Честно, майор, не знаю.

– Билл. Меня зовут Билл Грехам. Я твой должник, лейтенант.

Андрей пожал плечами. Не высказывая мысли вслух, он подумал, что, если разобраться, они просто выполнили свою работу, а выяснять подоплеку событий – это уже головная боль генерала Грейна и того незнакомого полковника.

– Ты куда сейчас? – спросил его Грехам, по-своему расценив молчание Кречетова. – Могу подобрать, у меня машина возле штаба.

– Да нет, спасибо, – отказался Андрей. – Я в госпиталь, проведу своего сержанта, а потом домой, готовиться к отпуску.

– Ну, как хочешь.

Андрей пожал протянутую руку.

– Еще увидимся, майор. Мир тесен.

* * *

По мнению Андрея, его жизнь складывалась вполне удачно.

Выйдя из здания штаба планетарной группировки военно-космических сил Элио, он направился в сторону сектора «Эригон», где располагались наземные службы его соединения.

Основные силы военно-космического флота Конфедерации солнц базировались по всему освоенному людьми пространству, но крейсер «Эригон», в состав которого входил штурмовой взвод лейтенанта Кречетова, дислоцировался на орбитах Элио, родной планеты Андрея. Держать на борту космического корабля подразделения пехотной поддержки вне периода конкретных боевых действий являлось неоправданной тратой жизненного пространства и ресурсов корабля, поэтому их переводили на планету. Военный городок, где служили и проживали пехотинцы «Эригон», располагался на самой планете неподалеку от Раворграда – столицы Элио.

В периоды так называемого «затишья» офицерский и сержантский состав корабля чувствовал себя вполне свободно. Отдавая каждый день по шесть часов служебным обязанностям, Кречетов по своему усмотрению распоряжался оставшимся временем суток. Как и у большинства офицеров, у него была своя квартира в городке, машина, вот только создавать семью он не спешил. Возможно, тут работала логика, здравый смысл, который подсказывал, что тебя в любой момент могут сорвать с насиженного места и швырнуть в самое пекло какого-либо конфликта, а может, просто не складывалось, хотя общения с женщинами он не избегал...

...Вечер двадцать шестого июля 3817 года по универсальному Галактическому календарю обещал быть вполне обычным.

Андрей навестил сержанта Мортимера, который не собирался залеживаться в госпитале с легкой контузией, договорился о встрече с ребятами своего взвода, затем оформил все надлежащие документы и, уже покидая часть, с оттенком грусти подумал, что вернется сюда не ранее чем через месяц.

В отличие от большинства людей, понятие «отпуск» не ассоциировалось у Кречетова с чем-то желанным, ожидаемым загодя. После боев – да, а в такие периоды, когда не происходит ровным счетом ничего экстраординарного, а твой базовый корабль вот уже полгода как стоит на приколе в планетарном ремонтном доке, дополнительный отдых кажется излишним.

Уже темнело, когда он подъехал к воротам контрольно-пропускного пункта. Опустив боковое стекло своего «Волмара», Андрей протянул руку и приложил ладонь к пластине сканера. Через несколько секунд на панели электронного устройства судорожно моргнул красный сигнал, потом он сменился на зеленый, и массивные ворота начали открываться, а ощерившийся титановыми шипами выступ мягко, бесшумно утонул в специальной нише, открывая дорогу выезжающей машине.

Ну вот, прощай на месяц, – подумал Андрей, подмигнув дисплею охранного комплекса. Он еще не знал, что выезжает из знакомых ворот навсегда.

* * *

Неизвестная точка пространства...

Расплывчатый диск фиолетовой звезды давно перевалил через зенит, и полуденная жара понемногу начала спадать.

Под ногами катались стреляные гильзы, покрывавшие тесное пространство меж валунами толстым шуршащим и иногда позвякивающим слоем.

Воздух пах смертью.

Где-то вдали едва слышно прострекотал движок летающей машины. Над участком горного склона стояли редкие в этот день минуты тишины, и потому после грохота разрывов и захлебывающихся очередей все звуки в наступившей внезапно тишине воспринимались с особой остротой.

Ланита посмотрела в лазурные небеса. Радоваться тому, что диск светила наконец начал клониться к горизонту, уже не было сил – все отнял, высосал затянувшийся бой.

Сколько их там осталось под непроницаемым для взгляда пологом желто-оранжевого лиственного леса?

Горный луг перед нагромождением гранитных валунов был изуродован до полной неузнаваемости – повсюду чернели воронки, помятый, подкошенный, порванный автоматными очередями травостой уже не скрывал разбросанные повсюду мертвые тела, а обнажал их, делая более резкими, заметными, будто притихшая на миг природа подчеркивала их чуждость...

Лана огляделась, посмотрела на труп, который несколько часов назад уложила между камнями. Тело храмовника было щедро нашпиговано пулями. Как она и рассчитывала, нападавшие поначалу приняли его за истинную цель, но сейчас все уловки уже потеряли смысл – близилась развязка, и наступившая тишина была обманчива, как тонкий слой мха, прикрывающий бездонную трясину.

В ушах звенело, ноги дрожали от усталости, кисловатый запах, исходящий от стреляных гильз, казалось, пропитал кожу...

Пересилив дурноту, Ланита осторожно выглянула в зазор между камней. Прошло уже больше двух минут, как захлебнулась очередная атака храмовников, и теперь взгляд насчитал

на изуродованном пространстве склона два десятка бездыханных тел – почти что весь манипул в полном составе...

Ее позиция, господствующая над склоном, надежная благодаря природной прочности гранита, оказалась неприступна для них, и теперь обе стороны, нападающая и защищающаяся, оказались одинаково измотаны, обескровлены. По расчетам Ланы, в лесу оставалось не более трех-четырёх бойцов Храма, но и она, дважды легко раненная, расстрелявшая практически весь добытый с невероятным риском боезапас, не могла долго удерживать выгодный рубеж...

Последний автоматный магазин уже был присоединен к оружию, подствольный гранатомет заряжен, еще две гранаты для него оставались в запасе.

Что ж... Ее ситуация не предполагала широкого выбора. До заката оставалось примерно три часа, и если она оставит в живых хоть одного храмовника, те успеют до наступления сумерек добраться до известного им святилища и помешать Кругу.

Что собирались делать девять наставниц на территории древнего капища, для Ланиты оставалось загадкой. С ней никто не поделился смыслом происходящего. Однако то, что ее, единственную ученицу Круга, вдруг без объяснений и колебаний послали навстречу полнокровному карательному подразделению воинов Храма – то есть, по сути, на верную смерть, говорило Ланите о многом. Например, о беспрецедентной важности тех событий, что уже происходят или должны произойти сегодня вечером...

Она прижалась к теплой шероховатой, кое-где выщербленной пулями поверхности гранитного валуна, выглянула в узкий зазор, осматривая кромку лиственного леса, нашла знакомую приметку – дерево с ярко-оранжевым пятном осенней листвы, и тщательно прицелилась, уперев приклад автомата в камень, направив оружие стволом вверх, чуть под углом к горизонту.

В горячке непрекращающихся атак она успела заметить, что не дававший ей житья крупнокалиберный пулемет бил из-за этого приметного дерева, и, зная психологию воинов Храма, было нетрудно предположить, что остатки карательного отряда собрались в данный момент возле огневой точки, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Выстрел подствольного гранатомета нарушил тишину, вслед за ним подряд раздалось еще два характерных хлопка, и три гранаты, описав дугу, разорвались в лесу, сразу за отмеченным Ланитой деревом.

Глухо ударил строенный взрыв, видимая часть древесных крон вздрогнула, роняя листву и ветви, словно кто-то неистово встряхнул вековые деревья, сбивая с них осенний наряд, потом сразу за опушкой что-то зашипело, и вдоль образующего подлесок кустарника в разные стороны, выписывая немислимые синусоиды, разлетелись три разноцветные сигнальные ракеты...

Попала...

Лана подумала об этом уже на бегу, покинув позицию и пересекая склон, пока оглушенный пулеметчик не мог достать ее прицельной очередью.

Ее расчет оказался верным, но лишь наполовину: по старой позиции с запозданием ударила длинная автоматная очередь, которая оборвалась так же внезапно, как и возникла, – видно, у стрелявшего сдали нервы и он, выпустив остаток патронов из неполного магазина, сейчас спешно менял боекомплект.

Если там больше трех человек, я не справлюсь... – лихорадочно подумала она, на бегу наклоняясь, чтобы сорвать с валяющегося на примятой траве трупа пояс с боекомплектом.

Рывок получился слишком сильным, Лана едва не упала, с трудом удержав равновесие, когда ремни экипировки все же не выдержали и лопнули, а вождеденный груз оказался в ее руках.

Вождеденный ли?

Она не успела толком понять, что именно сорвала с мертвеца, но, судя по весу и размерам, это был не подсумок с магазинами, а что-то иное...

Из леса опять ударил автомат, но на этот раз уже не по старому укреплению, а по ней – пули резанули вокруг, подрубая траву и выбивая султанчики пыли из земли. Ланита машинально упала и боком, перекатом, используя энергию бега и уклон горного луга, мгновенно ушла в сторону, скрывшись от второй прицельной очереди, которая стала бы смертельной, продолжи она свой неистовый бег в полный рост...

У нее осталось несколько выигранных секунд, чтобы оглядеться.

Вот он, кустарник, в десяти шагах, за ним дерево с подпалиной багряной листвы, справа от него сочится дым, а слева колыхнулись ветки кустов...

Она выпустила длинную очередь, прошив ею все пространство подлеска, начиная от дымка до дрогнувшей ветки и дальше, пока не услышала отчетливый болезненный вскрик.

Еще один...

Автомат сухо щелкнул затворной рамой и замолчал.

Она отложила оружие в сторону и, не поднимая головы, вжимаясь в землю, посмотрела наконец на свой трофей.

Она бы выругалась, если б умела.

Оказывается, ей под руку попался мертвый офицер, командир храмовников, и вместо подсумка с боекомплектom она сорвала с его тела перевязь с достаточно легким обоюдоострым клинком в богато инкрустированных ножнах.

Хорошее оружие против автомата, – промелькнула в голове горькая мысль.

Все трупы убитых врагов остались далеко позади, и ползти назад, к ним, в надежде отыскать патроны было рискованно, если не бессмысленно.

«Нет пути назад, – учили инструктора в боевой школе Храма. – Возвращаясь по пройденному пути, ты рискуешь больше, чем выигрываешь».

«Хладнокровие и самоотрешенность – вот залог успеха в самой безвыходной, смертельной ситуации», – так говорили ей учителя Круга.

Где-то два прямо противоположных мировоззрения все же соприкасались...

Холод рифленой рукояти заставил Ланиту вздрогнуть.

Мысль-воспоминание прорвалась через глубины собственной памяти, и в который уже раз Ланита поймала себя на ощущении, что родившиеся вдруг образы принадлежат не ей...

...

Город... Горящий город, на который накатываются орды храмовников... Факелы в руках стоящих вокруг мужчин.

– Мы должны уходить! – Голос раздается за спиной, но она, не оборачиваясь, узнает говорящего.

– Нет! – Ее рука, в равной степени привычная как к огнестрельному, так и к холодному оружию, смыкается на рукояти кинжала...

– Но, госпожа...

...

Видение истончается, исчезает так же внезапно, как и появилось, после него остается лишь дрожь в мышцах да ноющая горечь внутри. Весь жизненный путь ее последних лет усеян такими обрывочными воспоминаниями прошлого, будто Лана уже жила когда-то, неизмеримо давно, и вот теперь мучительно и неосознанно вспоминает ту жизнь в самые неподходящие мгновения, когда какой-либо предмет или явление вдруг вызывают внезапные ассоциации...

Наваждение длилось секунду, не более.

...Не вставая, Лана вытащила из ножен голубовато-серый, тускло блеснувший сталью клинок и поползла в ту сторону, откуда сочился дымок, сознательно забирая чуть левее приметного дерева, подальше от того места, где шевельнулись кусты и раздался вскрик. Она знала, как в этом мире могут вставать мертвые тела, и потому справедливо опасалась как живых, так и мертвых.

Спасительный кустарник дохнул в лицо запахом прелой листвы, к которому примешивались флюиды дыма.

Еще несколько метров она проползла, стараясь не тревожить свисающих к самой земле ветвей, и вдруг перед ней открылась небольшая полянка под тем самым деревом...

Три воронки от разрывов гранат курились ленивым дымом, меж ними, у выступающих из-под земли узловатых корней дерева, валялась опрокинутая пулеметная тренога.

У края ближайшей воронки лицом к ней сидел храмовник. Его автомат лежал на коленях, одна рука сжимала оружие, а второй он то и дело отирал кровь, сочащуюся из ушей.

Контужен... – поняла Лана, рывком вставая с земли, но храмовник, заметив, как шевельнулись кусты, вдруг резко вскинул автомат и дал короткую очередь, целясь наугад.

Пули перерубили несколько ветвей, одна обожгла бедро Ланы, заставив ее, невзирая на боль, что есть сил рвануться вперед. Через мгновение, выскочив на поляну, она едва не упала, споткнувшись о труп, который до сих пор скрывала трава, но контуженый храмовник не успел воспользоваться секундной заминкой – он только начал поворачиваться в ее сторону, когда Ланита достала его коротким твердым взмахом клинка, как учили когда-то в боевой школе Храма...

Отсеченная голова с глухим стуком укатилась в примятую траву, а тело врага кулем повалилось на бок, оползая по скату неглубокой воронки.

Лана едва устояла на ногах. В висках ощущался глухой стук, но у нее хватило сил, чтобы оглядеться, отыскать глазами еще один труп, который ничком лежал на обожженной земле, около опрокинутого пулемета.

Стандартный манипул Храма вместе с командиром насчитывал двадцать четыре человека.

Она видела двадцать три бездыханных тела, оставался последний, чей вскрик – настоящий либо притворный – она слышала в кустах чуть правее этой поляны.

Глаза застилала кровавая муть, боль в простреленном навывлет бедре резко обозначилась, заставив онеметь мышцы.

Кровь. Слишком много крови вокруг, – подумалось Лане.

Она положила клинок на траву, подняла валявшийся на земле автомат, проверила, заряжен ли он, и, прихрамывая, двинулась в сторону зарослей.

Долго искать ей не пришлось – вскрик храмовника был предсмертным. Последний воин манипула лежал, широко раскинув руки. В него попали две пули из выпущенной наугад очереди: одна в грудь, вторая в плечо. Лана не стала приближаться к нему, опасаясь, что сознание вот-вот покинет ее измученное, израненное тело, поэтому она сделала контрольный выстрел шагов с семи и лишь затем, повернувшись, побрела назад на поляну, где только что снесла голову одному из воинов.

Ей было необходимо найти пакет первой помощи, перевязать раны и сделать укол. Тогда, собрав трофеи, она попытается найти в себе силы, чтобы засветло добраться до древнего капища и воочию убедиться, что долг перед учителями выполнен, а сегодняшние смерти не напрасны, они служат делу действительно благому и важному, иначе все происходящее с ней теряло смысл, превращаясь в очередной кровавый эпизод длящегося уже более века противостояния...

К тому же ее подсознательно тревожила летающая машина, что прострелкотала полчаса назад в заоблачной дали.

* * *

Планета Элио. Жилой мегарайон Раворграда...

Учитывая утренние события, «отвальной» по поводу отпуска избежать не удалось, поэтому лейтенант Кречетов вернулся домой поздно. Хотя он выпил мало, но Андрею, как говорится, «хватило»: сказывался «сухой закон», который негласно соблюдался в подразделении космической пехоты, вне зависимости от того, несли пехотинцы боевую службу в космосе или «отдыхали» на Элианской базе постоянной дислокации.

Когда бортовой компьютер его «Волмара» заставил машину плавно съехать по наклонному пандусу в сумеречное помещение общественного гаража, Андрей вылез из салона, нетвердой походкой дошел до лифта, поднялся на сотый этаж и с третьей попытки открыл дверь собственной квартиры.

Снимая ботинки, Андрей чуть не упал и, разозлившись, решил, что с него действительно хватит.

Парадокс: бывали моменты, когда после тяжелейшего боя он выпивал много больше и при этом оставался трезв как стеклышко, а тут... Ну, развезло в общем.

Кое-как раздевшись и даже не зайдя в душ, он рухнул на кровать.

Закрыв глаза, Андрей рассчитывал, что сразу провалится в черноту беспробудного сна, но куда там. Перед плотно смеженными веками что-то вращалось, словно тьма закручивалась в тягучую спираль, к горлу периодически подступала тошнота... Он перевернулся на другой бок и испытанным приемом грубо приказал своему разуму, мысленно представив прямоугольник комнаты: вот «верх», тут «низ», хватит крутиться. СПАТЬ!

Подействовало. Дурнота отступила, вращение прекратилось – угомонился дезориентированный дозой спиртного вестибулярный аппарат, а вот тьма осталась, и Андрей не мог с точностью определить – уснул уже или нет?

Раз задаю себе мысленные вопросы, значит, еще не сплю... – подумалось ему, и в этот миг из черноты начали прорезаться смутные контуры каких-то существ.

Андрей не любил, когда у него внезапно начинались кошмары, и он попытался осознанно проснуться, открыть глаза, чтобы пресечь бредовое видение на корню, но сделать этого не смог – тьма так плотно облепила веки, будто на них навалили непомерный груз, а силуэты, которые начали принимать черты существ, взявшихся за руки и несущихся по кругу в безостановочном, но плавном движении, проступали на фоне мрака все четче и четче...

Вообще Кречетов редко видел сны. Чаще всего процесс отдыха сливался для него в одно мгновение, когда кажется, что только закрыл глаза – и буквально секунду спустя тебя уже будят: либо трель компьютерного терминала, либо ревун общекорабельной тревоги – смотря по обстоятельствам.

На этот раз все складывалось абсолютно иначе...

Двойкость состояния раздражала: с одной стороны, он, наверное, все же провалился в глубокий сон, раз не смог открыть глаза простым усилием воли, и в то же время его разум продолжал необъяснимо бодрствовать, прокручивая перед мысленным взором эту странную картину, обрастающую все новыми и новыми подробностями...

То, что он поначалу принял за бессвязное сновидение, порожденное одурманенным алкоголем сознанием, постепенно принимало вид реальности – слишком подробной, осязаемой стала окружающая обстановка неизвестного ему места.

Первым, что поразило воображение, была взявшаяся из ниоткуда информация – знание того, что существа, кружащие во мраке, являются живыми, реальными людьми, – это Андрей почему-то понял сразу, но откуда в нем взялась такая уверенность в их сущности, Кречетов ответить не мог...

Он еще раз предпринял тщетную попытку проснуться, надеясь, что происходящее все же является бредом, но тщетно – глаза не открывались.

Оставалось лишь смириться и стойчески разглядывать картины, что проступали на фоне окружающей его черноты...

Хотя нет... окружающее пространство уже нельзя было назвать чернотой. Андрей видел смутно прорисованный контур пологого холма, на уплощенной вершине которого какой-то титан установил необработанные глыбы дикого камня, причем одни из них стояли вертикально, утопая в земле своим основанием, а иные лежали на них плашмя, без всякого намека на крепящий это сооружение раствор или другие применимые в строительстве составы...

Видение противоречило логике, но, присмотревшись, Кречетов понял, что глыбы камня, в комплексе очерчивающие грубую округлость, действительно держатся исключительно за счет собственного веса...

Какой-то образ, вырванный из далекого детства, смутно, но болезненно всколыхнулся в памяти, однако уловить четкой ассоциативной картинкой Андрей не смог – все затмевала эта сумеречная, невесть откуда взявшаяся реальность...

Он в третий раз попытался проснуться, но опять ничего не вышло, лишь где-то рядом раздался переливчатый, неприятный смех, в котором, как ему показалось, прозвучала издевка.

Что ж... – мысленно смирился он, – пусть себе снится...

Порой философское, наблюдательное отношение к жизни в затруднительных ситуациях действительно выручало его... но только не сейчас.

Пока он пытался примирить свое сознание со странными грезами, картина окружающего приобрела еще большую материальность. Теперь Андрей отчетливо видел, как внутри сумеречного, угловатого, покрытого мхом сооружения неся хоровод из девяти взявшихся за руки фигур, причем Андрей умудрился различить даже тот нюанс, что их ноги не достают до земли...

Некоторое время он рассматривал мистический хоровод, все более погружаясь в детальную атмосферу непонятной псевдореальности.

В какой-то момент он перестал досадовать и действительно увлекся странным, с его точки зрения, зрелищем.

Тела таинственных порождений его спящего разума оказались полностью скрыты под свободно ниспадающими балахонами, но Андрей (опять-таки подсознательно) был уверен – это женщины, точнее – старухи. Кому именно принадлежал прозвучавший смех, он угадать не смог...

Создавалось странное и неприятное ощущение, что некоторое количество информации о месте действия и сущности тех, кто вторгся в его сон, было попросту «закачено» в разум Кречетова неизвестным способом помимо его воли.

Соппротивление глухо нарастало в нем, превращаясь в навязчивую идею, но что он мог предпринять, оставаясь в объятиях глубокого сна? Разве что испытывать раздражение от осознания собственной беспомощности да наблюдать за окружающим и слушать этот переливчатый смех, который попеременно казался ему сродни то нежному позвякиванию колокольчика, то грубому, хриплому карканью ворона...

...Внезапно в окружающем его сумраке раздалась иная звуки – со стороны фигур, до этого безмолвно скользивших внутри каменного сооружения, донеслась странная речь: слова, зазвучавшие в гробовой тиши, произносились нараспев, на незнакомом языке, – это было нечто среднее между пением и речитативом; разум невольно воспринимал отдельные непонятные фонемы, подпадая при этом под ритм монотонного хоровода, который внезапно обрел двоякость, превратившись не только в круг тел, но и в плавный полет произносимых нараспев фраз...

Происходящее вновь в корне перестало нравиться Кречетову, который во всем любил ясность.

Все-таки это бред... – с усилием подумал он, предпринимая таким образом еще одну тщетную попытку избавиться от затянувшегося наваждения.

Его явно заставляли смотреть и слушать. Круг летящих над землей тел замкнул его сознание в ловушку мелодичного речитатива, сковывая рассудок и волю, не давая ни малейшего шанса на бегство или противодействие.

Андрей понял это и наконец бросил тщетные попытки либо высвободиться, либо принять происходящее за сон, – он непроизвольно впитал в себя таинственный сумрак, гнездящийся внутри невероятно древнего сооружения, круг летящих над землей тел, тускло-фиолетовый купол небес, на котором не было видно ни облачка, ни звезды...

Ему сразу же стало легче, и Андрей, на мгновение поборов оплетающий его монотонный ритм, мысленно выкрикнул, обращаясь к головокружительному мельканию взявшихся за руки безликих фигур:

«Что вам от меня надо?!»

Опять зазвучал тот же самый смех, а потом на фоне продолжающегося речитатива внезапно раздался отдельный, хорошо различимый голос:

«Ты неверно истолковываешь реальность. Твой разум несет в себе морок, ты многое видишь, но не во все веришь».

С ним разговаривали на родном языке!..

Следующий мысленно произнесенный вопрос уже не стоил Андрею таких невероятных усилий, как первый выкрик:

«Во что я должен верить?!»

Круг ускорил свое движение, не нарушая ритма непонятных фраз, а тот же голос ответил на заданный вопрос:

«Мир в твоём понимании удручающе прост, а на самом деле он сложен. Намного сложнее, чем это видит самый просвещенный из вас».

Собственно, с этого момента сам круг стал восприниматься им как фон. Главным стал голос, который существовал отдельно от ритмичного хоровода тел и звуков.

«Я не ученый, а обыкновенный человек. Зачем вы явились в мой сон?» – спросил Кречетов, рассудив, что его кошмар – это как минимум ошибка. Даже если кто-то воздействует на него извне, данное существо обратилось не по адресу.

«Предупредить», – нарушая успокоительный ход его мысли, ответил бестелесный голос на предыдущий вопрос.

«О чем?!» – опять вспылал Андрей, раздраженный расплывчатостью односложной фразы.

«Тебя хотят убить, – донеслось из темноты. – Будь осторожен».

Андрей вообще перестал понимать что-либо.

«Я – обыкновенный человек. У меня нет личных врагов».

«Да, у тебя нет личных врагов. Но они есть у твоего дяди. Его работа зашла слишком далеко», – пояснил голос.

Упоминание о единственном родственнике разозлило Андрея.

«Меня не интересует судьба дяди!.. – резко и неприязненно ответил он, не пытаясь скрыть внезапно всколыхнувшихся чувств. – У него своя жизнь, а у меня своя!.. Меня не касаются его исследования».

«Скоро коснутся. Уже. Сейчас».

Снова хохот, мелькание тел в темных балахонах, певучий речитатив фраз, в которых слух уже начал различать повторяющиеся элементы, и голос:

«Будь осторожен»...

Круг вдруг порвался, рассыпался на отдельные фигуры, которые, немного помедлив, взмыли в темно-фиолетовые небеса и исчезли во тьме за очертаниями мегалитов, оставляя за собой жуткое ощущение реальности...

Их исчезновение сопровождал затихающий вдали переливчатый смех...

Спустя секунду Андрей открыл глаза.

Резко сев на кровати, он понял, что абсолютно трезв, а его тело покрывает ледяной пот, который успел пропитать простыню и подушку...

Дьяволы Элио...

Несколько секунд он просто сидел в полнейшем оцепенении, ощущая, что у него занемел каждый мускул.

Из этого состояния его вывела внезапная трель коммуникационного устройства.

* * *

С трудом поборов слабость, Андрей встал, подошел к компьютерному терминалу, взглянул на индикатор вызова и понял, что ему звонят не с Элио.

– Да? – ответил он, вытащив устройство мобильной связи из специального гнезда на терминале.

– Это Андрей Сергеевич Кречетов? – осведомился голос, возникший в коммуникаторе.

– Да. Какого...

– Извините меня, господин Кречетов, но дело неотложное. Я адвокат вашего дяди...

– Что-то случилось?! – Андрей непроизвольно напрягся, мгновенно вспомнив только что посетивший его кошмар.

– Профессор Кречетов скончался. – Человек на том конце связи внезапно замялся, а затем добавил: – Полиция считает, что это несчастный случай, но я думаю, что его убили...

– Как?! – невольно вырвалось у Андрея недоуменное восклицание. Вопреки обычному хладнокровию, в этот момент он фактически не управлял своими эмоциями. Похоже, кошмарный сон продолжался, принимая совершенно недвусмысленный оборот...

Очевидно, его собеседник счел невольно вырвавшееся слово за конкретный, адресованный ему вопрос и потому ответил:

– Смерть наступила в результате сильного теплового удара. – Голос в коммуникаторе пояснял обстоятельно и сухо. – Это вполне можно было бы признать несчастным случаем, если бы весь дом профессора Кречетова не оказался перевернут кверху дном. Неизвестные лица что-то искали, тщательно и нагло, – разбита вся мебель, приборы, из компьютерных терминалов выдраны запоминающие устройства. Вы слушаете меня?

– Да... – Андрей присел на край кресла. Он окончательно пришел в себя, хотя весть о внезапной и загадочной смерти его единственного родственника была ошеломляющей... – Что я должен, по-вашему, делать? – осведомился он, пребывая в этот момент в плену своих мыслей и впечатлений.

– Было бы идеально увидеть вас на Земле, господин Кречетов.

– Это... – Андрей хотел сказать: «Это невозможно», но внезапно передумал. – Когда состоятся похороны? – Так и не закончив предыдущей фразы, осведомился он.

– Через три дня. Полиция все равно выйдет на вас, господин Кречетов. Им потребуется ваша ДНК для опознания тела.

– Вы же сказали, что он умер от теплового удара!

– Да. У него до неузнаваемости обожжено лицо, руки обгорели до костей, и полиция смогла установить его личность только по вторичным признакам. Как вы понимаете, ни сетчатка глаз, ни отпечатки пальцев не могут быть отсканированы для сравнительного анализа. Остается лишь тест на ДНК.

Андрею вдруг стало не по себе. Волей или неволей вспомнился не только сон, но и события последнего дня службы, а также посылка, доставленная по пневмопочте ранним утром.

Два совпадения еще можно принять за случайность, но три... нет, четыре происшествия – это уже закономерность...

Мысль лейтенанта наконец заработала в нужном направлении. Более двадцати лет он не поддерживал с профессором Кречетовым никаких отношений – ни личных встреч, ни обмена корреспонденцией, ни звонков... а тут – утром он получает от него древний логр с загадочной видеозаписью, потом происходит нападение на блокпост, затем этот странный сон с явно запоздавшим предупреждением об опасности, и, наконец, словно финал наскоро проигранной драмы – звонок с констатацией смерти...

Не слишком ли много для одного дня?

Он лихорадочно размышлял, слушая вежливую, терпеливую тишину в трубке.

Тепловой удар... Его дядя скончался в результате мощного теплового удара. В таком случае, если следовать логике, сегодняшняя атака двух непонятных существ была направлена вовсе не на делегацию разумных насекомых, а на него?

Андрей не смог дать однозначного ответа на заданный себе вопрос, но и принимать скоропалительных решений он не собирался.

– Я понял, что у меня есть время на размышление? – спросил он.

– Да. – Тем же ровным, деловым тоном ответил ему голос в трубке. – Думаю, что представители земного управления полиции позвонят вам не ранее, чем на Элио наступит утро. Они всегда соблюдают формальную вежливость в таких вопросах.

– Ладно... оставьте мне номер своего коммуникатора и код Земли. Кстати, вы не представились, – запоздало напомнил Андрей.

– Меня зовут Уильям Лайкер, – охотно назвал себя адвокат. – Ваш дядя нанял меня незадолго до смерти. Мне показалось, что на протяжении последнего месяца своей жизни он был чем-то встревожен и обрадован одновременно...

– Я понял вас, господин Лайкер, – оборвал его Андрей. – Профессиональная деятельность профессора Кречетова меня не касается. Диктуйте свой номер, я свяжусь с вами в ближайшие часы, как только приму решение.

– Хорошо. – Лайкер продиктовал требуемые цифры и добавил, прощаясь: – Я буду ждать вашего звонка. До связи, господин Кречетов.

В трубке прозвучал тоновый сигнал отбоя, и в комнате внезапно наступила зловещая, гробовая тишина.

Некоторое время Андрей сидел, обдумывая сложившуюся ситуацию, потом встал, решив, что надо бы сварить кофе и принять душ.

Сказать, что его расстроила и взволновала смерть дяди, – означало солгать, но причина этого равнодушия крылась вовсе не в черствости души самого лейтенанта.

Он сделал несколько шагов в направлении ванной комнаты, потом остановился, вернулся к компьютерному терминалу и вызвал глобальную справочную сеть планеты.

Единственным космическим кораблем, который осуществлял гиперсферное всплытие в границах Солнечной системы, оказался грузопассажирский транспорт «Галифакс».

Андрей набрал код своего банковского счета, заказал билет и молча пошел одеваться, отказавшись от душа и кофе.

Последний принадлежащий «Галифаксу» челнок стартовал из космопорта Элио через час.

Что ж... Обдумаю все по дороге... – решил Андрей, доставая из наплечной кобуры маленький черный кристалл. Повертев между пальцев, Кречетов убрал его назад. Для этого логрианского устройства еще предстоит поискать логичное место во внезапной цепи неприятных событий.

ГЛАВА 2.

Солнечная система. Сутки спустя после событий на Элио...

За двадцать часов, проведенных на борту «Галифакса», Андрей успел столько раз прокрутить в своем сознании внезапно создавшуюся ситуацию, что откровенно измучился.

Путешествие казалось ему бесконечным, а попытки прийти к верному выводу на основе скудной разрозненной информации – тщетными.

Все его мысли, так или иначе связанные с профессором, носили откровенно неприязненный характер, и на то была особая причина. Чтобы понять ее, следовало взглянуть в прошлое лейтенанта, которое объясняло суть взаимоотношений племянника и дяди.

...Двадцать четыре года назад семья Кречетовых попала в авиакатастрофу. Родители Андрея вместе с сыном летели отдыхать на острова, где располагался парк дикой природы планеты Элио, когда их флаер попал в неожиданный грозовой фронт. Память мальчика не сохранила первопричины аварии – перелет над океаном был долгим, и он спал в тот момент, когда произошло несчастье, а проснуться его заставило внезапное ощущение невесомости, которое возникло из-за того, что машина, потеряв управление, резко вошла в штопор.

Единственным впечатлением, что навсегда врезалось в память мальчика, было это тошнотворное чувство, за которым внезапно последовал хлопок, и он, не успев толком испугаться, увидел, как часть обшивки отлетела в сторону, а кресло, в котором он спал, внезапно вышвырнуло вверх, навстречу черным клубящимся облакам, от которых в свинцово-серую муть проливного дождя то и дело ударяли ветвистые молнии.

Из-за грома, воющего ветра и собственного ужаса он даже не осознал, что над ним раскрылись пластиковые купола спасательной системы: расширенные глаза мальчика провожали черную стремительно удаляющуюся точку флаера, в котором остались папа и мама.

Он так никогда и не узнал, отчего не сработали катапульты передних сидений...

...Наутро, когда гроза прекратилась, а волнение на море улеглось, его подобрал вертолет береговой охраны, запеленговавший сигнал бедствия, который испускал вмонтированный в кресло аварийный передатчик.

Единственным близким человеком, кто еще оставался у Андрея после гибели родителей, был родной брат отца – дядя Генрих. Сознание ребенка уцепилось за этот образ как за соломинку. Но беда никогда не приходит в одиночку...

Только повзрослев, Кречетов смог дать адекватную оценку действиям своего дяди. Генрих Иванович даже не удосужился прилететь на Элио, а нанял какого-то средней руки адвоката, который уладил имущественные дела и определил судьбу мальчика, отдав того на попечение государства.

Так трагически и незамысловато Андрей стал круглым сиротой при живом родственнике. Генрих Иванович продолжал заниматься какой-то важной научной деятельностью в одном из земных институтов, в то время как шестилетний Андрей Кречетов начал свой самостоятельный жизненный путь: сначала в детском доме, а потом, по достижении десятилетнего возраста, – в кадетском корпусе военно-космических сил планеты Элио.

Все, чего достиг Кречетов в своей жизни, он сделал сам, без чьей-либо помощи, а что касается дяди... то, повзрослев, Андрей сумел трансформировать глубокую горькую детскую обиду в чувство осознанного презрения к человеку, который бросил шестилетнего ребенка на произвол судьбы, по сути ограбив его при помощи ушлого адвоката.

Окончив в двадцатилетнем возрасте кадетский корпус, Андрей поступил на службу в ВКС Конфедерации солнц и был распределен на борт крейсера «Эригон», где в течение десяти лет прошел свой боевой путь – от рядового космической пехоты до лейтенанта.

Теперь, по прошествии четверти века, на Землю летел тридцатилетний мужчина, офицер с солидным боевым опытом, хорошо знающий цену себе и окружающим его людям.

Он не собирался менять своего отношения к жизни из-за того, что Генрих Иванович Кречетов скончался при таинственных обстоятельствах. Устав от горьких, бередящих душу воспоминаний и массы безответных вопросов, Андрей последние часы полета провел в созерцании тех картин, что открывал взгляду обзорный монитор суборбитального челнока, забравшего пассажиров с борта «Галифакса» и теперь возвращавшегося назад к Земле.

* * *

Прародина человечества...

Для лейтенанта Кречетова данное словосочетание изначально не несло в себе никакого трепетного исторического смысла. Он был рожден и воспитан на Элио, в центре стремительно развивающегося Содружества миров, где о планете, оставшейся на задворках колониальной империи, вспоминали редко, чаще в связи с теми или иными неприятными эпизодами Первой галактической войны. Такой однобокий, поверхностный взгляд, конечно, не мог сформировать верной и целостной картины восприятия Земли, поэтому Андрей, глядя на обзорный монитор суборбитального челнока, в полном смысле открывал для себя Terra Incognita.

Вопреки ожиданиям околопланетное пространство показалось ему удручающе пустым, хотя воображение, основываясь на информации, полученной из учебников истории, рисовало тут чуть ли не свалку. Он знал, что на протяжении сотен лет до начала Первой галактической войны людьми использовался каждый уголок перенаселенной Солнечной системы, но те орбитальные конструкции, которые в древности заполняли все доступные орбиты между Землей и Луной, теперь, по-видимому, канули в Лету. Исчезла даже знаменитая станция «Спейс-Вегас», на борту которой располагались первые доки космической верфи, где строилось большинство колониальных транспортов прошлого.

Сейчас о бурных событиях тысячелетней давности напоминал разве что обезображенный лик Луны, чью поверхность бороздили многочисленные глубокие шрамы карьерных выработок. Безудержная эксплуатация недр превратила спутницу Земли из желтого шара в безликий буро-коричневый планетоид с черными прожилками искусственных каньонов и бесконечными отвалами выработанных пород, расплзшимися по огромным площадям уродливыми серыми кляксами.

Изредка на поверхности Луны угадывались контуры каких-то покинутых строений или тускло блестел металл брошенной тут за ненадобностью техники.

Утомленный долгим перелетом и удручающими, однообразными картинками, Андрей задремал в своем кресле и проснулся перед самой посадкой, когда кибернетический голос автопилота зазвучал в скрытых динамиках интеркома, вежливо посоветовав пассажирам пристегнуться перед входом в атмосферу.

Андрей выполнил требование машины и вновь посмотрел на расположенный перед его креслом обзорный монитор.

Челнок уже начал снижение, интенсивно тормозя двигателями. На Земле, в отличие от высокоразвитых планет Центра, не действовали ограничения на применение планетарных двигателей посадки, и потому пассажирский корабль тормозил резко, с нарастающей перегрузкой, которая живо напомнила Кречетову ощущения, какие он привык испытывать, находясь в десантном отсеке боевого спускаемого модуля.

Ватный слой серых облаков казался бесконечным. Отработав тормозными секциями, челнок выпустил короткие скошенные крылья и перешел в горизонтальный полет на турбореактивной тяге, двигаясь параллельно поверхности Земли.

Это была самая скучная, утомительная часть полета, но терпение Кречетова оказалось с лихвой вознаграждено, как только небольшой корабль пробил нижний слой облаков.

Картина, открывшаяся взору Андрея, завораживала.

Зелень. Куда ни глянь – везде океан зелени, из которого повсюду торчат, вздымаясь к небесам, ободранные скелеты исполинских мегаполисов прошлого. Такого сюрреалистического пейзажа не встретишь ни на одной из планет, и Андрей был откровенно ошеломлен.

... Челнок снижался плавно и медленно, нижний слой перистых облаков в зоне посадки практически отсутствовал, и потому ничто не мешало Андрею наслаждаться видами Земли тридцать девятого века.

Когда-то здесь кипела жизнь, города были похожи на переполненные муравейники, они покрывали коростой своих коммуникаций всю планету, захватывая обнажившееся дно таких высохших морей, как Каспий и Азов, да и мировой океан к началу Великого Исхода заметно обмелел, так что площадь суши заметно преобладала над водными пространствами.

Теперь все процессы медленно пошли вспять.

Люди, вырвавшись наконец в дальний космос, колонизировали двести с лишним «кислородных» планет и постепенно, век от века покидали прародину. Ее города пустели, начиная ветшать без должного технического ухода, и в какой-то момент времени на мертвой, покрытой многоуровневыми слоями городских мегапостроек поверхности многострадальной, истощенной до предела Земли произошло это неистребимое биологическое чудо. Сколько ни травили планету ее разумные обитатели, как ни укутывали облаками смога и протяженными на тысячи километров конструкциями, но в глубине рукотворной техногенной оболочки, в вечном сумраке городских подземелий ожили дождавшиеся своего часа последыши миллионолетней эволюции – немногие из числа выживших представителей некогда многообразной флоры и фауны.

После закрытия основной массы производств и остановки жизненных циклов большинства городов процесс омертвления планеты внезапно пошел вспять, небо постепенно очистилось от сумеречного покрова, все чаще проглядывало солнце, отравленные дожди сменились на обычную льющуюся с небес живительную влагу, а благодаря всеобщему глобальному потеплению над всей площадью земной поверхности установился теплый и влажный климат.

Конечно, растения, что вдруг вылезли на свет, мало походили на те, что росли когда-то на Земле, но, видимо, все только начиналось, и неизвестно, что за сюрпризы хранили в себе недра мрачных, постепенно разрушающихся городов...

Андрей смотрел вниз, на море зелени, различая в основном растения лианоподобного типа, которые цепко карабкались по уступам покинутых зданий, свисали многометровыми плетями в бездонные провалы затененных, опустевших улиц, обвивали стеклобетонные ленты частично разрушенных дорог, что вились между постройками, опираясь на высокие прочные столбы, по которым тоже ползла, стремясь к солнцу, неистребимая зелень...

Кое-где на относительно ровных, уже давно разрушенных участках городских построек он видел деревья, похожие на сосны, иногда из руин вместо тугих сплетений лиан вдруг вырывались шатры непомерно больших папоротников – все это причудливо перемешивалось, образуя неповторимый по виду и содержанию, завораживающий пейзаж.

Пока Кречетов в немом изумлении созерцал проплывающие внизу ландшафты обновляющейся Земли, челнок пошел на снижение.

Взглянув вперед, Андрей разглядел прямо по курсу уступчатую громаду одного из трех уцелевших в первозданном виде городов-мегаполисов, рядом с которым располагался основной космопорт планеты.

Приближающийся мегагород носил древнее название: Россия. Кроме него, на Земле существовало еще два очага современной жизни – по свидетельству имевшейся у Кречетова электронной брошюры, в тысяче километров отсюда возвышался мегаполис Европа, а за оке-

аном, на территории слившихся в единый материк Северной и Южной Америк, располагался последний населенный очаг технократической цивилизации – Атлантик-Сити.

Такое неравномерное, очаговое распределение населения и само местоположение сохранившихся городов было обусловлено еще в древности, когда Свободные Колонии сумели добиться радикального перелома в Первой галактической войне, – в тот период было осуществлено несколько бомбардировок земной поверхности, которые пришлось на основные промышленные районы Африканского континента, а также на территорию Австралии и евразийского Дальнего Востока.

Упомянутые области работали «на войну», потому они и подверглись бомбардировкам с орбит.

Об этом вскользь упоминалось в справочной брошюре, где было еще много чего. Но Андрей, окинув взглядом огромные пространства обновляющейся Земли, уже составил свое собственное мнение: прародина человечества, чья дикая природа постепенно возрождалась из небытия, в данный момент представляла собой никем не управляемую бесконтрольную территорию труднопроходимых заросших руин. Это был сухой и логичный вывод военного человека, основанный на опыте посещения многих миров, где подразделению лейтенанта Кречетова приходилось выполнять те или иные задания.

Андрей был опытным офицером, и для него не составляло труда ответить на вопрос: почему остаточное население Земли постаралось всеми силами сохранить три огромных самодостаточных города и образовало в них компактные поселения, несмотря на кажущееся обилие свободного и привлекательного на первый взгляд пространства?

На самом деле территория заросших руин наверняка таила сотни, если не тысячи разнообразных опасностей, начиная от ненадежности самих сооружений и заканчивая непредсказуемыми мутагенными формами флоры и фауны. Не обязательно быть экзобиологом, чтобы понять: на свалках промышленных отходов и руинах городов расцвели генетически деформированные образчики новой жизни, – любое животное или пробившееся к свету растение современной Земли неизбежно должно было нести неизгладимый отпечаток приспособляемости, полученный в наследство от отравленной среды обитания прошлых столетий...

* * *

...Космопорт, где совершил посадку суборбитальный челнок, не отличался от сотен других подобных ему объектов, которые лейтенант Кречетов видел на множестве иных миров: чуть вогнутые чашеобразные стартовые и посадочные площадки образовывали кольцо, в центре которого располагался комплекс диспетчерских и административных зданий.

Несколько минут немногочисленные пассажиры челнока вынуждены были ждать, сидя на своих местах, пока не остынет обшивка космического корабля, а к шлюзу подадут специальный трап.

Наконец томительное ожидание завершилось, у трапа уже стоял микроавтобус, который отвез всех пассажиров к центральному входу в здание космического порта планеты Земля.

Андрей не торопился. Он пропустил вперед нескольких своих попутчиков, а сам задержался у стеклянных дверей, оглядываясь по сторонам.

За глухим бетонным забором, тянувшимся по периметру стартопосадочных полей, виднелась ясно различимая зеленая кайма, лес вплотную подступал к космопорту, резко контрастируя с серым стеклобетоном построек.

Заметив направление взгляда Андрея, пожилой офицер таможенной службы, уже уладивший все формальности с остальными пассажирами челнока, негромко откашлялся, привлекая внимание Кречетова, и философски заметил, когда тот подошел к стойке:

– Тысячелетие, сэр. – Он протянул руку за документами и добавил: – За это время многое изменилось. О Земле превратно пишут в учебниках галактической истории.

Кречетов машинально кивнул. Багажа у него не было, за исключением легкого дорожного кейса, в котором лежали предметы первой необходимости. Документы лейтенанта не вызывали никаких сомнений, поэтому процедура досмотра заняла всего пару минут.

– Вот тот господин, по-моему, ожидает вас, сэр. – Офицер таможенной службы вежливо указал на низкорослого лысого человека в деловом костюме, который переминался с ноги на ногу у дверей зала ожидания.

Андрей кивнул, забирая документы.

– Приятного пребывания на Земле, сэр!

– Спасибо, капитан. – Андрей забрал свой кейс и направился по узкому проходу между пустующих стоек в сторону выхода из зоны таможенного досмотра. Земля явно не страдала от наплыва туристов, и большинство пропускных пунктов бездействовало. Вообще, внутри огромное здание космопорта производило неприятное впечатление: оно было пустым, гулким, расставленные тут и там автоматы быстрой продажи не работали, пустовали бесконечные ряды кресел, не двигались эскалаторы, а искусственная зелень из пластмассы была покрыта тонким слоем пыли.

Ожидавший его мужчина действительно оказался тем самым адвокатом, что звонил ему сутки назад на Элио.

– Господин Кречетов?

Андрей кивнул, протягивая руку.

– Да. А вы, верно, Уильям Лайкер?

– К вашим услугам, сэр. – Ладонь Лайкера была сухой и узкой. – У меня машина на стоянке, я забронировал вам место в гостинице и договорился о встрече с представителями следствия.

– Хорошо, спасибо, – сдержанно поблагодарил его Андрей, предчувствуя, что весь остаток дня ему придется провести, участвуя в рутинных и малоприятных процедурах.

* * *

– Чем занимался профессор в последнее время? – спросил Андрей, когда они, побывав в гостинице, направились к зданию управления полиции, при котором функционировал криминалистический морг.

– Он работал над теорией гиперсферы, – ответил Лайкер.

– У него был какой-либо бизнес?

– Нет, – покачал головой Уильям. – Профессор жил на полном обеспечении Института дальнего космоса, который существует еще с тех времен, когда Земля являлась признанной метрополией и центром всей человеческой цивилизации.

– Учреждение процветает? – уточнил Андрей.

– Да, – кивнул в ответ адвокат. – Несмотря на затянувшуюся блокаду Земли со стороны галактического сообщества, Институт дальнего космоса имеет вес в научных кругах, у него давние традиции и соответственный престиж.

– Не понимаю... – нахмурился Андрей. – Если вы говорите, что круг интересов моего дяди не выходил за рамки сухой теории, то кому он мог перейти дорогу? Я не вижу мотивов для насильственной смерти.

– Трудно судить однозначно, господин Кречетов. Боюсь, все более просто, я бы сказал – банально. Профессор недавно получил солидный гонорар и одновременно – премию за опубликованный им труд по изучению глубинных уровней аномалии космоса. Полиция, исследовав состояние банковского счета вашего дяди, а также его квартиру и офис, не нашла ни следа от

полученных денег. Возможно, мотивом убийства являлось ограбление? – осторожно высказал свое предположение Лайкер.

– Он не держал деньги на счету в банке? – удивился Андрей.

– Скажем так, их там не оказалось, – ответил ему Уильям. – Сумма в четыреста тысяч галактических кредитов была снята со счета за месяц до смерти профессора, а куда они расходовались – неизвестно. Понимаете, господин Кречетов, на Земле в результате плачевного состояния компьютерных сетей вновь в ходу наличные деньги, так что система взаиморасчетов не прослеживается так четко, как это практикуется в Центральных мирах Конфедерации.

Андрей кивнул, не став задавать дополнительных вопросов. Он не знал сидящего рядом с ним человека настолько хорошо, чтобы полностью доверять ему. Сумма в четыреста тысяч галактических кредитов действительно была внушительной, и ради нее человек определенных моральных принципов вполне мог пойти на убийство.

По логике вещей, адвокат покойного прежде всего должен был быть осведомлен о делах своего клиента.

Лгал ли ему Лайкер, расписываясь в собственном незнании, или говорил правду, Андрей мог лишь предполагать, но в любом случае он предпочитал сам оценивать факты, а не основываться на чужом мнении.

* * *

Все рутинные дела, связанные с опознанием тела, сравнительным анализом ДНК, осмотром офиса и квартиры профессора Кречетова, поглотили остаток дня, и в гостиницу Андрей вернулся лишь поздним вечером, в сопровождении все того же услужливого, вежливого, но немногословного в деловой части адвоката.

После утомительных и нелицеприятных процедур хотелось побыть одному, но логика дневных событий требовала расставить все точки над «i», и потому Андрей пригласил Лайкера к себе в номер.

– Итак, что вы можете сообщить мне по существу дела? – спросил он, когда принесли заказанный Кречетовым кофе и они остались наедине.

– Вы все видели сами, – неопределенно пожал плечами Уильям, усаживаясь в кресло. – В квартире и офисе что-то искали.

– Но не деньги, – произнес Андрей.

– Почему?

– Грабители, интересующиеся наличными суммами, скорее ободрали бы обшивку стен в поисках тайников, а не стали бы потрошить компьютеры и изымать черновые распечатки рукописей, верно?

– Да... – поразмыслив, вынужден был согласиться с ним адвокат.

– У вас по-прежнему нет иных предположений о мотивах убийства, кроме ограбления?

– Нет.

– Тогда оставим этот вопрос. Меня интересует материальная сторона сегодняшнего состояния дел. Что я унаследовал?

– Ничего, – ровным голосом ответил Лайкер. – Кроме долгов, – уточнил он. – Квартира и офис принадлежат институту, личные вещи приведены в полную негодность, банковский счет профессора пуст, исчезла также его машина – флаер довольно старой модели.

– Кому и сколько он должен? – насторожился Андрей.

– Суммы небольшие, – тут же успокоил его адвокат. – Несколько неоплаченных счетов в сфере бытовых услуг и задолженность передо мной за последний месяц работы.

– Сколько? – уточнил Кречетов.

– Пятьсот кредитов, – ответил адвокат.

Андрей немного помолчал, мысленно подсчитывая свои средства. Проверить честность Уильяма относительно названной суммы он не мог, все деловые бумаги профессора исчезли. Видимо, Лайкер уловил ход его мыслей, потому что прервал наступившую паузу словами:

– У меня есть копия контракта, подписанная вашим дядей, и я могу...

– Не стоит, – извиняющимся жестом остановил его Андрей. – Оставьте мне реквизиты своего банковского счета, я переведу туда требуемую сумму. Счета по бытовым услугам также оставьте мне, я все улажу лично.

– Это означает, что я уволен? – Лайкер не смог скрыть разочарования в своем голосе.

– Формальности с полицией соблюдены, ведь так? – вопросом на вопрос ответил Андрей.

– Да.

– В таком случае вы не ошиблись, господин Лайкер. Мне не нужны услуги адвоката. К тому же я не собираюсь задерживаться на Земле после дня похорон.

Уильям нахмурился.

– У меня складывается мнение, что вы не питаете к покойному теплых чувств, господин Кречетов.

– Это мое личное дело, – оборвал его Андрей.

Лайкер встал.

– Вот моя визитная карточка. – Он засунул руку во внутренний карман и извлек оттуда еще два пластиковых прямоугольника. – Это регистрационные карточки бытовых служб, услугами которых пользовался ваш дядя. Свяжитесь с ними по поводу задолженности по счетам.

– Спасибо. Я перечислю деньги на ваш счет в течение суток. – Кречетов убрал карточки и протянул руку. – Всего хорошего.

Когда за адвокатом закрылась дверь, Андрей наконец почувствовал облегчение.

Похоже, что со всеми формальностями было покончено и он наконец мог приступить к делу, ради которого прилетел на Землю.

Лейтенант Кречетов собирался отыскать убийц профессора, но не из чувства мести или личной приязни к покойному, а из соображений, которые диктовал иной долг: полученный по пневмопочте логр с записью катастрофических событий трехмиллионной давности, необъяснимый сон, больше похожий на гипнотическое внушение, и два энергетических призрака, появившихся на Элио, формировали в его сознании четкое ощущение угрозы, а тесная связь покойного с изучением аномалии космического пространства только усиливала это чувство.

Андрей мог бы не лететь на процедуру опознания, отправив образец ДНК по компьютерной сети Интерстар, мог проигнорировать похороны, как однажды остался безучастен к его судьбе покойный профессор... но Кречетов был боевым офицером выросшей его Конфедерации и привык серьезно относиться к происшествиям, которые потенциально могли выйти за рамки частных и перерасти в глобальную угрозу.

Он вспомнил контуженого сержанта Мортимера, оплывший, будто стеарин свечи, бронепластик долговременного укрепления и подумал, что поступил правильно, прилетев на Землю.

Сев в кресло, он глубоко задумался. Мысленно перебрав все события истекшего дня, постепенно, шаг за шагом, Андрей пришел к двум выводам.

Во-первых, те, кто разгромил офис и квартиру его дяди, искали вовсе не деньги, а какую-то определенную информацию.

Во-вторых, тепловой разряд, изуродовавший голову и руки профессора, по своим характеристикам совпадал с теми, при помощи которых был атакован бастион на планете Элио.

И, наконец, в распоряжении Андрея имелся еще один важный информационный факт: воспоминания детства двадцатипятилетней давности, связанные с последним визитом семьи Кречетовых сюда, на Землю.

Обернувшись, Андрей снял трубку внутригостиничного коммуникатора.

Было уже за полночь, и сонный голос портье ответил ему не сразу.

– Да? – наконец раздалось на том конце связи.

– Я бы хотел уточнить, – не представляясь, произнес Андрей, – где я могу арендовать транспортное средство и есть ли поблизости магазин, который торгует предметами экипировки выживания и разрешенным оружием?

* * *

Тысячелетие...

Только под утро, покинув пределы спящего мегаполиса на арендованной машине и углубившись в окружающие город заросшие руины, Андрей начал понимать суть оброненной таможенником фразы.

Тысяча лет – это гигантский отрезок времени, и любая цивилизация проходит за такой срок немалый путь развития или же регресса, смотря по обстоятельствам.

Земля пошла по пути обновления.

Нужно было спуститься на самую ее поверхность под влажный сумрак зеленого покрова, чтобы понять это.

Учебники устарели, и их стоило бы переписать заново, вот о чем подумал Андрей, когда арендованная им машина медленно съехала по уклону старого автобана и остановилась у неимоверно древней дорожной развязки.

Растительность плотно обвивала нетленные железобетонные столбы с пластиковыми указателями направлений. Вокруг были в изобилии разбросаны обломки какого-то здания, рухнувшего много веков назад. Андрей, прихватив электронный планшет с картой местности, вылез из машины.

Подойдя к указателю, он вскарабкался на внушительную глыбу рукотворного камня и уже оттуда смог дотянуться рукой до плотной завесы лианоподобных растений, которые закрывали своими листьями старый щит с указателями дорожных развязок.

Когда-то, еще до появления тут растительности, пластик долгое время подвергался воздействию прямых солнечных лучей, и надписи на нем выгорели, но он все же сумел прочесть часть из них, отыскав нужное направление.

Стрелка указывала прямо, а потом круто заворачивала вправо. Надпись под ней гласила: «Нью-Грандж, Новая Ирландия».

Сверившись с картой, Андрей понял, что интересующее его место расположено между существующими мегаполисами Россия и Европа, чуть западнее современных очагов технократического общества, в диких, давно заброшенных местах, которые ранее были окружены мировым океаном.

Исторически данная территория принадлежала Англии и Ирландии, но в двадцать втором веке, когда произошло второе великое движение народов, а Земля объединилась под эгидой Всемирного Правительства, границы государств и автономий оказались стерты.

На месте отступившего океана выросли новые города, которые теперь, тысячелетие спустя, лежали в руинах, медленно зарастая новоявленными джунглями.

Андрей вернулся назад к машине, хмуро посмотрел на ответвление старого автобана, которое было приподнято над землей, опираясь на мощные железобетонные столбы, и подумал, что это немалый риск – ехать в одиночку по территориям, где опасаются появляться коренные жители земных мегаполисов, но детские воспоминания подталкивали, напоминая, что именно там, на территории Новой Ирландии, у его дяди имелся вполне современный дом, куда однажды маленький Андрей приезжал вместе с родителями.

Раз офис и городская квартира профессора Кречетова оказались разгромлены, то следы уцелевшей информации следовало искать именно там.

Если, конечно, убийцы не были осведомлены об усадьбе профессора, где тот провел первую половину своей жизни, занимаясь какими-то научными изысканиями... – подумал Андрей, садясь в машину.

* * *

Неизвестная точка пространства...

Ланита покинула злосчастный, усеянный мертвыми телами склон, когда уже начинали подкрадываться сумерки.

Светило еще не ушло за горизонт, но коснулось его своим размазанным краем. С точки зрения классической астрономии диск звезды, освещавшей планету, выглядел странно. Его призрачно-голубой свет даже днем не казался резким, а к вечеру набирал фиолетовую густоту. Учитывая видимый размер голубого солнца, можно было сделать вывод, что родная планета Ланиты обращалась на небольшом удалении от светила, но его лучи не сжигали поверхность земли, а, наоборот, дарили ей жизнь.

Нечеткий контур звезды еще более насторожил бы взгляд искушенного наблюдателя, но Ланита не задумывалась над внешним видом солнца, под которым родилась. Ее не волновал вопрос интенсивности излучения, которое зримо смещалось к жесткой, ультрафиолетовой части спектра и должно было не ласкать обнаженные участки кожи своим прощальным предзакатным теплом, а покрывать ее волдырями ожогов.

Для Ланы это был обычный, ничем не примечательный в природном плане осенний закат.

Если бы не боль от полученных ран, физическое изнеможение от многочасового боя да душевное беспокойство, она, наверное, смогла бы насладиться красками уходящего на покой светила, как делала это раньше, в ту пору, когда только обрела свободу...

Сейчас же ей было не до красот природы. Поднимаясь по склону к своей прежней позиции, она по пути собирала с трупов необходимый боекомплект, потом, вконец измучившись, остановилась, сделала себе укол стимулирующего препарата, затем, вырвав пучок травы, долго оттирала им кровь, заляпавшую металлокевлар шуршащей, облегающей фигуру и почти невосомой брони. Движения Ланы, пока она обирала трупы и очищала экипировку от своей и чужой крови, были расчетливыми, хотя упомянутые процедуры вызывали у нее отвращение.

Добытый в бою легкий клинок она не бросила, наоборот, заботливо вытерла о траву его серо-стальное лезвие, отыскала ножны с порванной перевязью и, отбросив в сторону бесполезное подобие португали, просто пристегнула зачехленное лезвие к правому бедру, где на любом типе брони имелся специальный захват для крепления холодного оружия.

В довершение она подобрала два метательных ножа, которые также вытерла о траву и убрала в ножны, вшитые в голенища высоких удобных сапог из мягкой искусственной кожи.

Закончив экипироваться, она оглянулась вокруг.

Стояла мертвая предзакатная тишь, лес синел внизу сплошным пологом крон, которые уже не различались по цветам осенней листвы, словно впитали в себя падающую с небес сочно-фиолетовую мглу...

На темнеющем небе не просматривалось ни единой искорки света, лишь полоска перистых облаков выделялась на фоне черноты темно-лиловой слоистой линией. Мир вокруг постепенно наполнялся смутными тенями и невнятными шорохами подступающей ночи, поднявшийся ветерок нес зябкую прохладу осени, и становилось ясно, что к утру примятую траву на поле боя вместо ледяной росы подернет тонкий налет инея, сделав ее хрупкой и ломкой...

Прихрамывая, Лана прошла мимо служивших ей укрытием каменных глыб, которые громоздились смутной сереющей массой, и ступила в осязаемый мрак редколесья, которое тянулось вверх по склонам почти до самой вершины горы.

Там сейчас собирался Круг.

Ланита, исполнив свою кровавую работу, собиралась подняться на плоскогорье. Вверх по склону, несмотря на усталость и ноющую боль от многочисленных ран, ее гнало не праздное любопытство: во-первых, она продолжала ощущать ответственность за безопасность учителей, а во-вторых, Лана пролила сегодня достаточно своей и чужой крови, чтобы получить это внутреннее моральное право – присутствовать при таинстве...

Да, она хотела знать, ради какой цели ее послали на верную гибель, зачем бросили в водоворот смертей, из которого ей помог выбраться лишь слитный опыт двух школ выживания, практикующихся в одном мире, но исстари враждующих между собой.

Идти было трудно, но не из-за полученных ран. С физической болью Лана справлялась достаточно легко. Она могла до определенной степени контролировать процессы метаболизма, протекающие в собственном теле, гораздо труднее было справиться с глухой нарастающей тревогой и обступающими со всех сторон ночными тенями.

Она не желала еще одного столкновения и машинально уклонялась в сторону, как только ее глаз или слух замечал намек на малейшее проявление опасной ночной жизни.

О том, что творится сейчас на усеянном трупами горном луге, ей не хотелось даже думать, хотя Лана была твердо уверена: ей так или иначе придется столкнуться с призраками убитых храмовников, не со всеми, конечно, но со многими, чей разум был в достаточной степени силен и подготовлен, чтобы в момент смерти покинуть изуродованную плоть...

Они вернуться. Обязательно вернуться и безошибочно найдут ее.

Лана надеялась, что до этого рокового мига она успеет достичь края плоскогорья и тогда защита станет взаимной – она, не мешая работе Круга, будет присутствовать при обряде, охраняя учителей от проявлений материального мира, а они, в свою очередь, уберегут ее от посягательств энергетических существей.

* * *

Земля. Где-то между мегаполисами Европа и Россия...

Несколько часов Андрей беспрепятственно ехал по старой, но вполне прилично сохранившейся дороге, следуя в нужном ему направлении.

Плотная стена растительности обступала автобан с обеих сторон, во многих местах молодые побеги ползущих и вьющихся растений не только оплетали опоры и указатели, но и стелились по дорожному полотну. Поначалу Андрей останавливался, чтобы откинуть молодые плети растений, но потом понял, что может делать это до бесконечности – чем глубже проникал он на заброшенные территории, тем сильнее зарастала дорога, и в конечном итоге он бросил это бесполезное занятие и ехал прямо по зеленому ковру, внимательно следя лишь за тем, чтобы не потерять твердой опоры под колесами машины.

Из мегаполиса Россия он выехал ранним утром. Сейчас солнце уже перевалило за полуденную отметку, вокруг стояла необычайная тишь, под сенью растительности царил влажная духота, от которой спасал лишь установленный в салоне машины кондиционер.

В окружающей обстановке Андрея радовали лишь две вещи: во-первых, на его машину не покушались никакие представители животного мира, чьи незнакомые, но достаточно грозные голоса он иногда слышал на почтительном удалении, а во-вторых, нетронутый ковер растительности, с тихим влажным хрустом проминающийся под колесами, говорил о том, что по

этой дороге давно уже никто не ездил, а значит, и неизвестные ему люди, причастные к убийству профессора и разгрому его офиса...

Не факт... – мысленно одернул себя Кречетов. – Они могли воспользоваться и воздушным транспортом.

Подумав об этом и бросив взгляд на приобретенную экипировку, он решил сделать остановку.

Не выходя из салона, переоделся, поддев почти невесомый бронезилет под рубашку, сменив обувь с неудобных туфель на высокие, закрывающие колени сапоги военного образца из тончайшей искусственной кожи со встроенной системой терморегуляции, затем надел ремни удобной, не стесняющей движения «разгрузки».

Почувствовав привычный вес «гюрзы» в наплечной кобуре, Андрей ощутил себя увереннее. Дыхательную маску он пока оставил упакованной в специальный клапан, расположенный на перехлестнувшем плечо ремне, ограничившись на первый случай двумя фильтрами, которые вставил в ноздри.

Теперь, углубившись в неизведанный район, он мог без опасений ненадолго покинуть машину. Фильтры, которые он приобрел вместе с экипировкой и оружием, обеспечивали химическую очистку вдыхаемого через нос воздуха, нейтрализуя при этом все виды известных на Земле бактерий, что являлось немаловажным для Кречетова, иммунная система которого не была приспособлена к борьбе против специфических для Земли вирусов.

... Через час дорога несколько раз свернула, а затем начала подниматься вверх. По всем признакам он приближался к существовавшему в прошлом мегаполису, но въезжать на территорию не было никакого смысла, поэтому Андрей еще раз остановился у указателя направлений, отыскал знакомое название и свернул на первой же дорожной развязке, огибая разрушенный временем город, чей стеклобетонный скелет высился над морем растительности, словно окаменелая фигура ископаемого животного, каких полно в национальном музее Элио.

Развязка, на которой свернул Андрей, вывела его на новый, более высокий уровень автомагистралей, и теперь он ехал не между двух плотных стен зелени, а над ней.

Панорама, открывшаяся взгляду, была однообразной, лишь в одном месте впереди виднелся просвет, за которым начинались холмы и, как показалось издали, каменистые пустоши между ними.

Почему вездесущая растительность не проникла туда, оставалось только гадать, но Андрей вдруг начал узнавать окрестности – заработала глубоко упрятанная детская память.

Да, именно там, среди странных каменных сооружений и пологих, оплывших от времени холмов, в прошлом располагалась усадьба его дяди.

* * *

Неизвестная точка пространства...

Ночь окончательно пала на горный массив, укутав окрестности непроницаемым пологом мрака, когда Ланита, ориентируясь будто зверь по запахам, звукам и интуитивному чувству направления, добралась до края плоскогорья.

Когда-то посреди каменного плато возвышался холм. Почву на бесплодную каменную пустошь носили из года в год те, кто приходил поклониться к Месту Силы. Люди по-разному преодолевали трудный путь. Кто-то приносил на плечах целую корзину плодородной земли из долин, расположенных в предгорьях, а кто-то лишь горсть, упрятанную в узелок, за пазухой, но так или иначе в центре горного плато за несколько десятилетий вырос громадный искусственный холм.

Лана знала, что Место Силы создано не ее расой. Когда в этом мире появились первые люди, огромные каменные столбы уже стояли посреди плато, образуя несколько концентрических кругов. Внешние окружности казались низкими по сравнению с титаническими каменными столбами и перекрывавшими их горизонтальными плитами, которые образовывали центр сооружения.

Кто, когда и зачем возвел эту постройку, оставалось загадкой. Возможно, кто-то из Круга знал истину о происхождении Мест Силы и их исчезнувших строителях, но с Ланой подобной информацией пока что не делились.

Холм, выросший в центре сооружения, был данью людей этому таинственному месту.

Первых посвященных, кто соприкоснулся с древними знаниями, верно, не устроила мертвая, зловещая эстетика едва обработанного камня, и они решили оживить данное место, зная, что холм высотой в десяток метров едва ли скроет под собой основание титанических мегалитов и не сможет ни перекрыть, ни нарушить действующие тут незримые силы.

Когда принесенной почвы накопилось достаточно, тут посадили определенные сорта растений, в основном вьющихся, которые оплели мертвый камень, придавая ему вид живых колонн, а в самом центре сооружения, на вершине холма расположился небольшой цветущий садик с круглым прудом посередине, где собиралась дождевая вода.

По свидетельствам истории, то были золотые времена расцвета человеческой цивилизации. Места Силы находили и в других регионах освоенных людьми пространств, но это, первое, считалось главным.

Древние летописи утверждали, что на вершине холма в спокойные дни, когда гладь наполненного дождевой водой пруда была ровной, как ртутное зеркало, в отражениях можно было увидеть различные миры, включая далекую полузабытую прародину, откуда пришли сюда люди.

Тогда же на планете стали появляться иные существа, в корне отличающиеся от людей строением своего тела, но, несомненно, наделенные разумом. Что явилось причиной таких контактов – расширение ли освоенных областей планеты или приток упомянутых существ откуда-то извне, оставалось загадкой, которую не успели разрешить: на планету вторглись корабли храмовников.

С тех пор прошло более ста лет, история которых темна и полна пробелов... Единственное, что Ланита знала наверняка, – Древний Круг был уничтожен воинствующими пришельцами, а вместе с ним исчезла и большая часть истинных знаний. Позже девять женщин восстановили древнюю формацию, но это не смогло вернуть утраченных истин, а обновленный Круг был вынужден скрываться и действовать тайно, собирая по крохам чудом уцелевшие знания.

Она гордилась тем, что сопричастна этому поиску...

* * *

Земля. Национальный парк истории мегалитов...

Автострада, по которой ехал Андрей, постепенно понижаясь, вела к знакомым по детским воспоминаниям местам. Въезд на территорию холмистых пустошей внезапно оказался обозначен аркой, на которой сохранилась старая, поблекшая от времени барельефная надпись: «ПАРК-МУЗЕЙ ИСТОРИИ МЕГАЛИТОВ».

Чуть ниже располагался указатель направлений с тремя изгибающимися в разные стороны стрелами, под которыми еще можно было прочесть поясняющие надписи:

«Стоунхендж».

«Нью-Грандж».

«Центральный офис мегалит-парка – 2 километра».

Андрей, не колеблясь, избрал центральное направление.

Въехав на территорию музея под открытым небом, Андрей быстро понял, почему окружающее пространство представляет собой каменистые пустоши. Очевидно, земля тут была некогда обработана губительным для сорняковой растительности составом, который, впитавшись в почву, сохранил свои остаточные свойства и до сей поры. Немногие побеги лианоподобных растений лежали высохшими пожелтевшими плетями, и лишь на склонах холмов, укрепляя их от сползания почвы, росла короткая газонная трава, кое-где выгоревшая на солнце.

По обе стороны дороги высились непонятные каменные сооружения, каждое было обнесено невысокой символической оградой из покоробленного солнцем пластика и поясняющей табличкой.

Остановив машину, Андрей впервые за последние несколько часов покинул салон и подошел к группе каменных артефактов.

Присев возле выгоревшей на солнце таблички, он прочитал с трудом различимый поясняющий текст:

«Дольмены бассейна реки Аше. Перемещены в музей в 2106 году».

По другую сторону дороги высились несколько иные сооружения, табличка у которых гласила:

«Мегалиты Русской равнины. Собраны и перемещены в музей в 2096 году при участии Всемирного фонда охраны памятников».

Андрей беглым взглядом окинул камни, форма которых была разнообразна, начиная от отдельных, едва обработанных глыб и заканчивая целыми сооружениями с квадратным или круглым отверстием в центре. Все эти свидетельства древнейшей земной истории казались ему чужды и непонятны, а времени, чтобы внимательно рассматривать их, стараясь вникнуть в смысл, у него попросту не было.

Вернувшись к машине, он поехал дальше.

Вторично остановиться его заставило внезапное, шоковое узнавание очередной древней постройки, вид на которую открылся с вершины холма, куда вскарабкалась старая дорога.

Увидев ряд высоких мегалитов, образующих окружность, Андрей затормозил.

Это было поразительно похоже на то место, что он видел в своем странном сне в ночь, когда ему сообщили о смерти профессора Кречетова...

Он ощутил, как холодный пот потек по спине.

Машинально вцепившись в руль, он несколько минут потрясенно смотрел на круг из вертикальных столбов, часть из которых соединяли между собой положенные горизонтально плиты.

Не было необходимости выходить из машины, чтобы прочесть буквы на огромном рекламном щите:

«Стоунхендж».

Через пару минут ему удалось справиться с участвующим сердцебиением, и, присмотревшись внимательнее, Андрей внезапно понял: да, эта постройка похожа на ту, виденную во сне, но отличается от нее в деталях.

Цепкая профессиональная память тут же нашла десятки различий как в расположении отдельных элементов комплекса, так и в их структуре. Но, убедившись, что Стоунхендж не является точной копией подобного сооружения, виденного во сне, Андрей сделал немаловажный для себя вывод: сновидение нельзя игнорировать – он только что получил второе недвусмысленное подтверждение, что в ту роковую ночь на него было оказано реальное воздействие непонятной пока силы, которая, во-первых, была осведомлена о проблемах профессора Кречетова, а во-вторых, ее источник не являлся игрой воображения...

Одного Андрей пока что не мог взять в толк – при чем тут древние артефакты земной цивилизации, если его дядя всю жизнь занимался исключительно теорией гиперсферы?

Подумав об этом, он задал себе еще один вполне закономерный вопрос: почему в начале своей карьеры профессор Кречетов жил именно тут, на территории музея под открытым небом, куда со всей Земли были свезены древние мегалитические постройки различных времен и народов?

Здесь явно существовала какая-то взаимосвязь.

Отпустив тормоз, Андрей позволил машине мягко скатиться под уклон к воротам комплекса, состоящего из офисных и жилых зданий.

Судя по внешним признакам, здесь уже очень давно никто не работал, лишь у одного из приземистых домиков стоял припаркованный у входа вполне современный флаер.

Заглушив двигатель, Андрей достал импульсную «гюрзу» и вылез из машины.

* * *

Неизвестная точка пространства...

Холм, расположенный посреди плоскогорья, оплыл от времени и потерял изначальную форму усеченного конуса.

От старого Места Силы остались лишь обломки. Внешние круги, состоявшие из небольших мегалитов, были разрушены не раз вторгавшимися сюда храмовниками, но центральная часть святилища не пострадала – единственное, чего сумели добиться воины Храма, – это уничтожить пруд и извести на корню всю растительность.

Печальная картина предстала взору Ланиты, когда она ступила на холодный камень продуваемой всеми ветрами пустоши.

Вокруг валялись расколотые взрывами глыбы. Острый гранитный и известняковый щебень ровным слоем покрывал лишенное растительности плато, посреди которого возвышался оплывший холм земли. Из него, словно указующие персты окаменевших великанов, торчали вертикальные глыбы центрального сооружения.

Силы, удерживающие их в равновесии, не поддались грубым взрывным устройствам храмовников. Ни одна плита перекрытия не упала, хотя огромные камни не были скреплены раствором...

Оглядевшись, Лана вздрогнула.

По нежно-сиреневому мерцанию, которое исходило от центральной части холма, она поняла, что Круг уже завершил свою работу. Неясные огни, вспыхивающие над каменными столбами словно призрачные зарницы, были остаточным проявлением тех сил, что концентрировались тут на закате солнца.

Присмотревшись внимательнее, Лана не увидела никого из учителей, но зато сумела разглядеть летающую машину храмовников, которая стояла поодаль от древнего святилища.

Инстинктивно она рванулась в ту сторону, но, не пробежав и десятка метров, внезапно споткнулась о труп.

Остановившись, она увидела серый, не отличимый от цвета камня балахон. Внутри у Ланы все оборвалось, похолодело, она медленно опустилась на колени и дрожащими пальцами откинула ткань мешковатого капюшона.

Мертвое лицо наставницы Круга смотрело в фиолетовые небеса остекленевшими глазами.

Кровь густой лужей натекла под усохшим от старости телом.

Ланита подняла глаза, с трудом оторвав взгляд от окоченевшего лица. Глухой стон, больше похожий на рык раненого зверя, вырвался из ее груди. Все же, несмотря на изменения, что принесли в ее душу учителя Круга, в сознании Ланиты оставалось много сформированных в боевой школе Храма понятий и чувств, например, эта дикая, необузданная, клокочущая в

грудь ярость, которая вдруг пружинисто подняла ее ослабевшее израненное тело и кинуло его вперед в порыве черной всепоглощающей ненависти.

Она опоздала.

Храмовники расчетливо обманули единственную защитницу Круга. Преследование на земле было лишь отвлекающим маневром, а главный удар они нанесли в самое сердце сопротивления, второй раз за всю историю противостояния добравшись до главных, знаковых фигур, на которых держалась старая вера, до тех, кто хранил собранные по крупицам истинные знания прошлого...

Последней надеждой Ланы была мысль о том, что не всех адептов Круга убили, – возможно, часть взята в плен и заключена сейчас внутри летающей машины?!

Ненависть – худший из советчиков.

Вне себя от горя и ярости она рванулась прямо на машину храмовников, на миг утратив рассудок, и, как следствие, получила сполна. Машина, неторопливо раскручивавшая свои лопасти в свистящий круг, вдруг огрызнулась длинной пулеметной очередью.

Лану отшвырнуло назад. Несколько крупнокалиберных пуль пробили навывлет ее грудь, невзирая на надетый бронезилет, и, падая, она успела заметить, как ненавистная машина, покачнувшись, оторвалась от земли, тяжело, натужно взмывая в темные небеса...

...Последним усилием Ланита вытянула руку, растопырив пальцы, но ее организм уже не смог собрать достаточно энергии, чтобы деформировать окружающее пространство, и летающая машина храмовников, стрекоча двигателем, беспрепятственно скрылась в фиолетовой ночной мгле.

ГЛАВА 3.

Земля. Национальный парк-музей истории мегалитов...

Андрей не стал подъезжать к старым, уже начавшим ветшать офисным зданиям. Оставив машину за склоном ближайшего холма, он, несмотря на жару, накинул на плечи легкую куртку, которая скрыла под собой детали экипировки, не свойственной мирному страннику. Мельком взглянув на себя в зеркало, Андрей остался доволен – в высоких сапогах и невзрачной верхней одежде он теперь вполне мог сойти за случайно оказавшегося тут бродягу, который рискнул путешествовать по новоявленным джунглям Земли.

Импульсный пистолет системы «гюрза» он оставил в наплечной кобуре, подальше от чужих глаз, но был готов воспользоваться им в любой момент.

Нужно сказать, что Кречетова не смущали складывающиеся обстоятельства. За время своей службы он четко научился различать грань дозволенного и поэтому понимал: если в трех мегаполисах Земли действовали определенный правопорядок и сопряженные с ним своды законов, то данная территория явно не подпадала под их юрисдикцию, – на всем пространстве зарастающих джунглями руин действовали иные правила игры, ставкой в которой зачастую являлась жизнь. Кроме гипотетических людей, убивших его дядю, на диких этих пространствах существовали тысячи иных смертельных опасностей, и всякий, кто покидал пределы городов, мог рассчитывать здесь только на себя самого...

...Маскируясь за каменными укрытиями различных древних сооружений, Кречетов почти вплотную приблизился к центральному входу в комплекс одно-двухэтажных строений, рядом с которым был припаркован смутивший его флаер.

Издали машина казалась новенькой, но это было обманчивое впечатление – просто ее современные «черты» резко контрастировали с общей картиной руин, пустошей и обветшалых, давно покинутых зданий мегалит-парка. На самом деле флаер эксплуатировался много и небрежно, о чем свидетельствовали следы чрезмерного обгорания на дюзах планетарной тяги и несколько вмятин на его выпуклых бортах. В местах, где отлетела заводская краска, виднелась ржавчина.

Подобравшись вплотную к машине, Андрей заглянул в сумеречный салон через щель приоткрытой дверцы. Все приборы на панелях управления были выключены, оба кресла пусты.

Обойдя машину, он посмотрел на регистрационный знак.

Флаер принадлежал его дяде. Именно о нем вел речь адвокат покойного.

Задаваться идиотским вопросом: «Мог ли мертвый профессор воспользоваться своей машиной?» – Андрей не стал.

Несомненно, на флаере сюда могли прилететь только его убийцы, – подумал он, – но почему они бросили машину у входа в здание? Все еще пребывают тут? – Андрей вытащил импульсный пистолет, одновременно коснувшись сенсора активации. – Или воспользовались иным средством передвижения?

Подумав об этом, он шагнул в дверной проем.

Холл был темным и пустым. Ствол «гюрзы», покрытый выпуклостями электромагнитных катушек, описал полукруг, но цели не нашел, и Андрей опустил импульсный пистолет, окидывая помещение уже более внимательным, изучающим взглядом.

В центре, покрытая слоем пыли, высилась рельефная модель мегалит-парка. На стенах просматривались поблекшие декоративные панно, изображающие пейзажи древней Земли в реконструкции современных ученых. Вдоль всего периметра помещения, ниже огромных картин, тянулись ряды ободранных кресел.

Андрей присел на корточки.

Следов, которые сохранил слой пыли, было множество. Отпечатки когтистых лапок мелких грызунов, замысловатые «лесенки», оставленные движением крупных пресмыкающихся, следы птиц в сочетании с пятнами помета... и два вида отпечатков обуви, которые вели в глубь комплекса, а затем обратно, на выход.

Андрей медленно выпрямился. Судя по отпечаткам, двое людей, побывав в здании, покинули его так же, как и вошли.

Он не стал двигаться дальше, а вернулся на улицу.

Детские воспоминания подсказывали, что профессор Кречетов занимал отдельный коттедж, который располагался где-то рядом. Логично было предположить, что убийцы этого не знали, а потому, обшарив центральный офис, вышли на улицу.

Что ж, посмотрим, удалось ли им отыскать нужный дом?

Вместо того чтобы блуждать между постройками, Андрей вернулся к холму и с возвышенности еще раз внимательно осмотрел комплекс зданий. Он поступал так, будто находился на занятой врагом территории, рефлекторно, даже не задумываясь о последовательности своих действий.

Еще раз осмотревшись, Кречетов наконец узнал искомое здание. Двухэтажный коттедж с мансардными окнами действительно располагался чуть в стороне, правее основного комплекса сооружений.

Вокруг по-прежнему стояла знойная тишь, лишь легкий ветерок, не несший прохлады, лениво шевелил тонкие стебельки пожухлой травы.

Андрей не спешил спускаться с холма и идти напрямик к зданию. Вместо этого он присел, спрятавшись за грубо обработанный гранитный валун, и достал чехол с электронным биноклем.

Внимательный, подетальный осмотр окрестностей не дал ему никакой дополнительной информации. Судя по внешним признакам, незваные гости уже покинули это место.

О том, что они могли затаиться в одном из заброшенных строений и ждать, Андрей подумал, но вскользь – просидеть двое суток в старых, насквозь обветшалых зданиях в сомнительной надежде, что племянник покойного профессора, прилетев на Землю, напрямик ринется сюда, было, по его мнению, как минимум нерационально. Проще проследить за прибывающими в космопорту, тем более что многомиллионный город давал массу возможностей для быстрого и эффективного устранения нежелательного визитера.

Нет, – здраво рассудил он. – Убийцы побывали тут и ушли.

Единственной загадкой для него оставался способ их передвижения, но этим вопросом можно было заняться позже...

По-прежнему оглядываясь по сторонам, он спустился с холма и направился к одиноко стоящему зданию.

* * *

Дверь, ведущая в знакомый по детским воспоминаниям коттедж, была распахнута настежь. Ее механизм кто-то заклинил в крайнем положении, подложив в качестве стопора увесистый булыжник. Через открытый дверной проем виднелись следы царящего внутри дома беспорядка.

Андрей рывком преодолел отделяющие его от крыльца метры и резко присел, прижавшись к внешней стене здания.

Тишина...

Он осторожно заглянул внутрь, удерживая «гюрзу» стволом вверх. В доме не было прихожей, сразу за дверями начиналась гостиная. У самого порога, на песке, что занес сюда ветер,

виднелись те же следы, что и на полу центрального офиса, только тут они пестрели в разных направлениях, четко пропечатавшись среди беспорядочно разбросанных предметов.

Значит, булыжник положили не они... – машинально отметил Андрей. Песка в гостиную намело достаточно, а пропечатавшиеся в нем следы ясно говорили, что ветер уже давно хозяйничает в этом помещении.

Кречетов вошел внутрь, оказавшись среди хаоса сорванных со своих мест предметов.

Это был не обыск, а настоящий разгром. Все, что можно сломать или выпотрошить, оказалось тщательно препарировано двумя неизвестными. Переходя из комнаты в комнату, Андрей повсюду наблюдал одни и те же картины тотального разрушения. Два имевшихся в доме компьютера были разбиты и щерились прямоугольными дырами там, где в корпусах ранее были закреплены запоминающие устройства.

Дом на поверку оказался не таким большим, как рисовала память пятилетнего мальчика, и на его полный осмотр ушло немного времени. Исследовав последнюю комнату, которая когда-то являлась рабочим кабинетом профессора, Андрей пришел к неутешительному выводу – он опоздал как минимум на сутки. На полу, среди разломанной мебели и содранных стеновых панелей, он не смог обнаружить ни единого листка пластбумаги, не нашлось и иных, более современных носителей информации...

Взглянув на изуродованный компьютер с выданным кристаллодиском, Андрей подумал, что ему остается либо признать свое поражение, либо продолжать поиски, но в каком-то ином месте.

Задумавшись, он сел на системный блок опрокинутого на пол компьютера.

...Пытаясь понять, как действовать дальше, он скользил рассеянным взглядом по окружавшему его хаосу и вдруг заметил, что на старомодном диване, который стоял тут же, у стены, в беспорядке брошены легкое одеяло из синтетической шерсти и две подушки из мягкого пористого пластика.

Обивка дивана оказалась испорчена в нескольких местах, подушки аккуратно разрезаны на части, но это не имело значения. Спальные принадлежности выглядели новыми и не несли на себе следов многолетнего пребывания в доме...

Чтобы проверить свою догадку, Андрей встал, подошел к окну и взглянул на положение солнца.

Светило клонилось к закату, и его лучи уже начали проникать в кабинет. Проследив за углом их падения, он сделал безошибочный вывод – если бы спальные принадлежности лежали на диване со времен бытности тут профессора Кречетова, то они неизбежно выгорели бы на солнце.

Так, значит, дом посещался кем-то, кто привез с собой одеяло и подушки, иногда оставаясь ночевать на старом диване... Кто это мог быть?

Ответ напрашивался сам собой – здесь бывал покойный профессор, а его убийцы, скорее всего, нашли это место самым незамысловатым способом. Они сняли информацию с блока автоматического пилотирования угнанного фляера, который содержал в своей памяти часто используемый маршрут, соединяющий мегаполис Россия и парковочную площадку мегалит-парка.

Андрей отошел от окна, продолжая размышлять над новой информацией. Это было нелегким занятием – строить выводы на крупницах разрозненных фактов.

Итак, убийцы перевернули офис и квартиру профессора, а потом направились сюда. Значит, в городской квартире и на рабочем месте убитого они не нашли необходимой им информации...

Стоп... – осекся он в своих мыслях. – Они искали информацию или уничтожали ее?

Андрей привык мыслить логически, последовательно, и, вспомнив, что он видел в городе, его разум тут же начал склоняться к последнему выводу.

Из общения с адвокатом и полицией Андрей узнал, что его дядя недавно опубликовал итоговую работу по многолетнему скрупулезному изучению аномалии космоса, которая была благосклонно принята и высоко оценена в научных кругах. Чтобы добиться такого успеха, он должен был изложить в своем труде все результаты жизненных исследований, в буквальном смысле «раскрыть все карты» ради последнего триумфа своей научной карьеры, и нужно отдать должное – он добился этого. Андрей не был специалистом по теории гиперсферы, он не читал дядиных трудов, но репутация земного Института дальнего космоса предполагала, что добиться успеха и признания в самом старом и консервативном учреждении Галактики можно только одним способом – для этого необходимо совершить поистине уникальное открытие, подтвержденное титаническим исследовательским трудом.

Значит, в опубликованной книге профессора можно отыскать все материалы его исследований?.. – Андрей нахмурился, вспомнив варварски вскрытые компьютерные терминалы, пустые ящики для бумаг – в квартире и офисе профессора неизвестные изымали исключительно информационные носители.

Есть ли смысл в таких действиях, когда труд уже опубликован и доступен для заинтересованных лиц?

Да, – мысленно ответил себе Андрей, – но только при условии, что не все выводы профессора Кречетова относительно аномалии пространства-времени вошли в изданный вариант рукописи.

Опять сразу же вспомнился сон... летящий над землей Круг из облаченных в балахоны тел, а взгляд через окно на полуразрушенный Стоунхендж, мегалиты которого, окрашенные в багрянец заката, хорошо просматривались отсюда, заставил пробежать по спине ручеек мурашек.

Учитывая загадочные обстоятельства дядиной смерти и припомнив два совершенно неординарных события, накануне произошедших с ним самим, Андрей не мог не задуматься: а не возникло ли у профессора в ходе исследований неких маргиналий¹, которые он не решился внести в серьезный научный труд?

Чтобы проверить справедливость своей догадки, он вышел из дома и обошел его вокруг.

Интуиция не подвела – в задней части заросшего пожухлой травой двора он наткнулся на то, что надеялся увидеть, – округлое почерневшее пятно свежей золы. Кто-то совсем недавно сжигал тут документы, побросав в костер пачки пластбумаги и части разбитых на куски информационных носителей, извлеченных из нескольких компьютеров. Судя по количеству бесформенных обгорелых обломков, тут присутствовали кристаллодисковые накопители информации, снятые с компьютерных терминалов не только этого дома, но и те, что были украдены из городской квартиры и офиса профессора Кречетова.

Значит, неизвестные охотились за информацией, чтобы уничтожить ее... Вывод верный, очевидный, но никуда не ведущий. Андрей по-прежнему не знал, кем были убийцы его дяди и что за информация так сильно волновала их.

В этой ситуации ему оставалось лишь одно – вторично обшарить дом в надежде, что неизвестные пропустили какую-нибудь мелочь. К тому же Андрею было непонятно, зачем престарелому профессору покидать комфортную городскую квартиру и ютиться здесь по ночам на старом пыльном диване?

Всему в этом мире можно найти разумное объяснение. Данному постулату лейтенант Кречетов верил безоговорочно. Нет необъяснимых загадок, есть люди, не способные решить ту или иную проблему...

¹ Маргиналии – Пометки на полях книги или рукописи.

...Направляясь назад, к входу в дом, он внимательно смотрел по сторонам; цепкий взгляд, привычный к подобного рода осмотрам, не пропускал ни одной мелочи, и лейтенант был неожиданно вознагражден за постоянную настороженную осмотрительность...

Сделав несколько шагов, Андрей вдруг остановился как вкопанный. Его внимание привлекла земля, которая чуть просела у фундамента, образовав едва приметное углубление относительно остального слоя почвы.

Подвал!.. – внезапно осенило его...

Точно... Ведь он помнил, как, будучи ребенком, заглядывал в подвал, расположенный под домом. Ему запомнились большие, разъезжающиеся в разные стороны двери, которые показались ему смешными из-за того, что не стояли, как положено всем нормальным дверям, а лежали на земле, чуть под наклоном к фундаменту... и еще он помнил холодные бетонные ступеньки, уводящие в таинственную черноту, и голос отца, который окликнул его:

«Андрей, не балуйся с приводом дверей, в подвале нет ничего интересного. Отойди, а то свалишься ненароком!..»

Воспоминание больно кольнуло сердце.

Он подошел к тому месту, где тонкий слой нанесенной ветром почвы скрывал памятный вход, и осторожно стал убирать скопившуюся супесь. Углубившись на пару сантиметров, его пальцы наткнулись на ровную твердую поверхность.

Так и есть – пластик!

Оглядевшись вокруг, Андрей убедился, что окрестности по-прежнему пусты, и быстро очистил старые двери от песчаных наносов, за которые уже зацепилась корнями росшая вокруг трава.

Механизм отпирания дверей давно превратился в ржавый ком, и потому он просто проломил пластик.

За уродливой дырой открылась уводящая вниз бетонная лестница.

* * *

Хвала старой, пожелтевшей пластбумаге и пыльным подвалам, куда принято складировать разный отслуживший свое хлам.

Андрей поудобнее устроился в старом офисном кресле, разложил вокруг найденные пачки бумаг и принялся неторопливо изучать документы в неярком свете переносной лампы.

Разбирать дядин почерк было совсем не трудно, хотя большая часть листов являлась черновиками. Поначалу он задался вопросом – почему профессор не доверял черновым записей компьютеру, ведь набирать текст на клавиатуре намного быстрее и проще, чем писать от руки, но, вспомнив учиненный наверху бардак, тут же догадался: профессор просто не доверял электронным носителям, которые могли быть взломаны, а информация с них – прочитана кем-то еще. Потому в начале своей карьеры дядя и вел эти записи, еще совершенно не уверенный в состоятельности своих предположений, но уже опасавшийся разглашения пришедших ему на ум идей.

Первый же лист исчерканных записей говорил о важности и революционной новизне затронутого вопроса.

...

«Что мы на самом деле знаем о гиперсфере?»

Это аномалия пространства-времени, иной континуум, которым пользуются все современные космические корабли для перемещения из одной точки трехмерного космоса в другую, удаленную на многие световые годы, – такой ответ на заданный вопрос даст любой школьник.

Это общие знания. Но что на самом деле представляет собой гиперсфера?

Это не параллельное пространство, ибо там нет звезд и планет, это не привычный нам космос, а его «изнанка». «Великое Ничто», как именуют гиперсферу пилоты и навигаторы, не обладает ни одной из привычных нам характеристик. Чтобы попасть в аномалию, космическому кораблю приходится разогнаться до скорости света, а затем, вплотную приблизившись к световому барьеру, включать дополнительные источники энергии, концентрируя их импульс по курсу корабля. В результате возникает пробой трехмерного континуума – абсолютно черная воронка гиперперехода, которая начинает затягивать материальное тело внутрь некоей области пространства, где действуют иные физические законы.

По теории, чем больше энергии затрачено на переход, тем «глубже» проваливается корабль в аномальную область и тем напряженнее окажутся сопутствующие его дальнейшему полету энергетические поля.

Общая теория, чьи основные уравнения были выведены еще в двадцать третьем веке Йоганном Ивановым-Шмидтом, предполагает наличие десяти «уровней» аномалии, причем каждый последующий уровень обладает более высоким напряжением составляющего его энергетического поля, а с глубиной «погружения» понятия «время» и «расстояние» стремятся к нулю, теряя свой физический смысл».

Андрей оторвался от чтения, на минуту задумавшись. Да, это было понятно даже ему, – в принципе любой человек, когда-либо совершавший межзвездные путешествия, знал: космическому кораблю, перемещающемуся в аномальном пространстве первого уровня гиперсферы, требуется не более часа для преодоления одного светового года. Большинство гражданских пассажирских судов перемещались именно на первом уровне аномалии, где время все еще играет роль физической величины, но и риск полета невелик. Более быстрые грузовые корабли, чаще всего беспилотные, управляемые автоматикой, погружаются до второго, а то и до третьего энергетического уровня, где время, необходимое для полета, сокращается в геометрической прогрессии – то есть с глубиной проникновения в гиперсферу на пятом-шестом уровне аномалии полет из одной точки в другую должен превратиться в мгновенное перемещение, с точки зрения человеческих эталонов времени, конечно...

«Однако с глубиной погружения в аномалию космоса возрастает напряжение сопутствующего энергетического поля, и уже на третьем-четвертом уровне перемещающиеся там корабли должны иметь собственную энергетическую защиту, причем достаточно мощную, иначе они просто сгорят в окружающих силовых полях гиперсферы.

Следующая особенность аномалии, за что она, собственно, и получила просторечное название «изнанка космоса», заключается в том, что в этом пространстве от каждого реально существующего в трехмерном космосе объекта, будь то планета или звезда, тянется незримый след в виде силовой линии напряжения. На знании этой особенности и точной осведомленности, какая линия ведет к той или иной звезде, основана вся современная гиперсферная навигация».

...

Андрей опять оторвался от чтения, попытавшись зримо представить аномалию космоса.

В его воображении возникли десять вложенных друг в друга сфер. Прослойки между ними являлись теми самыми «уровнями», о которых упоминалось выше, а внутри каждого слоя тянулись тонкие ниточки, связывающие между собой гравитационные отпечатки реально существующих звезд. Это походило на сложную пространственную паутину – линии тянулись не только от звезды к звезде, но и вертикально вниз в неизведанные глубины «Великого Ничто».

Перелистав несколько страниц, Кречетов увидел схемы, похожие на те, что нарисовало его воображение.

Ход мыслей дяди стал понятен ему при последовательном изучении схем. Возьмите русскую матрешку, внутрь которой вложены вторая, третья и так далее. Все они в точности копируют друг друга, но каждая последующая меньше предыдущей.

Так и в гиперсфере. Начерченные от руки сферические уровни были покрыты сеткой одних и тех же связей, но они укорачивались по мере уменьшения объемных рисунков.

Солнечная система была отмечена на каждой схеме отдельным цветом. От гравитационного отпечатка родной человечеству системы уходили одна вертикальная линия сочно-красного цвета и шесть десятков изумрудно-зеленых паутинок, ведущих к соседним звездам.

Именно по этим паутинкам, сами того не осознавая, перемещались первые колониальные транспорты с поселенцами на борту.

Далее в записях дяди следовало интересное замечание. По статистике, из Солнечной системы в период Великого Исхода, или, как его еще называли, Первого Рывка, стартовала одна тысяча триста семнадцать колониальных транспортов, но линий, по которым они могли «скользнуть» к иным мирам, было всего шестьдесят! Это уже последующее глубокое изучение аномалии космоса показало, что в принципе корабль может достичь любой звезды нашей Галактики, – от Земли нужно переместиться к одной из шестидесяти доступных точек всплытия, попав, таким образом, на новую «узловую развязку» гиперсферы, от которой тянулись такие же линии силового напряжения, но они вели уже к иным звездам. Многократное скольжение от узла к узлу, смена «ведущих» силовых линий аномалии в конечном итоге могла привести космический корабль куда угодно.

Так движутся современные корабли, – подумал Андрей, начиная понимать, что именно в данных статистики смутило профессора Кречетова: Великий Исход состоялся более тысячи лет назад, а первопроходцами гиперсферы стали транспорты, ресурс которых был ограничен одним «прыжком», – то есть энергетические установки корабля могли один раз пробить метрику трехмерного пространства и один раз обеспечить обратный переход...

Движение вне силовой линии гиперсферы невозможно – это доказала печальная практика, а значит, прямо на глазах из сравнительного анализа двух цифр напрашивался интересный вывод. Каждая доступная для транспортов Первого Рывка звездная система, которых было всего шестьдесят, должна была колонизироваться как минимум от двадцати до двадцати двух раз...

Знание истории полностью опровергало такое предположение. Была известна лишь одна планета – Кьюиг, куда в разное время совершили посадку три колониальных транспорта, остальные миры заселялись лишь единожды.

Существовала еще одна вероятность. Не ведая точных законов гиперсферной навигации, пилоты колониальных транспортов прошлого могли не «всплывать» в первой же узловой точке, а двигаться дальше, уже в неизвестном направлении, с огромным риском истощения энерго-ресурса корабля, до того, как им будет совершен обратный переход в трехмерный космос.

Такие прецеденты действительно имели место – более двадцати потерянных колоний, расположенных далеко за пределами первых шестидесяти узловых точек всплытия, действительно были обнаружены в процессе галактической войны и последовавшей за ней второй волны Великой Экспансии, но наличие двух десятков удаленных поселений все равно не снимало резкого несоответствия двух цифр.

Даже предположение о том, что половина колониальных транспортов попросту погибла, затерявшись в паутине ведущих от звезды к звезде силовых линий, не решало возникшего несоответствия.

Перевернув следующий лист, Андрей увидел десять нарисованных от руки постепенно уменьшающихся сфер, которые схематично отображали энергетические слои гиперсферы. На этих рисунках отсутствовала паутина зеленых горизонтальных линий, а оставались лишь крас-

ные, стержневые, вдоль оси которых осуществлялось «погружение» космических кораблей на тот или иной уровень аномалии.

От каждой реально существующей звезды или планеты в глубь гиперсферы вела только одна подобная линия. На первом рисунке, который отображал все исследованные небесные тела, расположенные на небольшом участке площади сферы, эти красные линии казались далекими друг от друга, но на следующем рисунке они уже сближались... Андрей невольно перевел взгляд на схему последнего, гипотетического десятого уровня аномалии и увидел, что красные линии, загнанные в небольшой объем, образовали несколько жирных жгутов, ведущих к некой центральной точке.

Что было расположено там, в месте, куда стремились вертикальные линии, оставалось только гадать. Как они связывались друг с другом – сплетались ли в узел, просто обрывались или там существовал переход с одной вертикали на другую?

Андрей отложил в сторону листы с записями и схемами. Ему показалось, что мозг, перегруженный информацией, сейчас закипит.

По рассказам пилотов космических кораблей он знал, что скользнуть по вертикальной линии гиперсферы гораздо проще, чем выйти на горизонтальный управляемый полет в границах определенного уровня. Гиперсфера каждый раз «зовет», тянет попавшее в нее материальное тело в свои глубины, и только сопротивление силовых установок космического корабля способно остановить спонтанное скольжение вниз, вдоль оси вертикальной линии, сквозь губительные, насыщенные энергией слои...

Выходит, что сотни колониальных транспортов прошлого не смогли воспротивиться этому процессу и ушли вертикально вниз, сгорев в самых глубоких и напряженных слоях аномалии?

Логика подсказывала – да.

Но ведь всегда остается надежда на чудо: вдруг какому-то кораблю удалось пройти все десять вложенных друг в друга уровней гиперсферы и достичь того таинственного места, где сливаются воедино все силы энергетической вселенной?

* * *

Взяв найденные заметки, Андрей поднялся наверх, в дом.

На улице уже начало темнеть, солнце скрылось за горизонтом, и окрестности быстро погружались в прохладный сумрак.

Устроившись на разодранном диване у окна дядиного кабинета, Андрей отложил в сторону часть записей, с которыми уже успел ознакомиться в подвале, и взял в руки отдельную папку, на обложку которой было вынесено любопытное заглавие:

«Каменные сооружения древности и их связь с Вертикалью».

Прежде чем открыть папку, Андрей включил портативный коммуникатор и связался с сервисной службой мегаполиса Россия, мысленно досадуя, что не догадался захватить с собой переносной портативный компьютер.

Заказав через спутниковую сеть электронный вариант последней книги профессора Кречетова, он дождался, пока загрузятся первые страницы, которые заняли весь объем оперативной памяти коммуникационного устройства, а затем прервал связь.

Открыв полученный текст, он пробежал глазами по строкам.

На маленьком дисплее мобильного коммуникатора медленно прокручивались строки вступления к двухтомному труду, которое, к удивлению Андрея, морально готовившегося столкнуться со специфичной научной терминологией, оказалось популяризировано.

«Может ли человек пронести руку сквозь бушующий огонь, не обжегшись при этом? – это было первое предложение книги покойного профессора. – Да, может, если станет действовать

быстро. Говоря проще – существует скорость, при которой энергия частиц пламени не успевает воздействовать на руку.

Такую же аналогию я собираюсь доказать для гиперсферы, а именно – для движения в ней по вертикали, куда, следуя нехитрым расчетам, «соскользнули» две трети колониальных транспортов прошлого.

Расчеты, приведенные в данном научном труде, подтверждают, что движение материального тела через все десять условных энергетических уровней аномалии не только возможно, но и легко осуществимо. Нужно лишь сообщить космическому кораблю такую скорость, когда возрастающая энергия гиперсферы не будет успевать вступить в контакт с ним...»

На этом текст обрывался – оперативная память коммуникатора смогла уместить в себе лишь два вступительных абзаца, но Андрею с лихвой хватило этих строк, чтобы понять, какое именно открытие обосновал в своей книге его дядя.

Движение по вертикали к той гипотетической точке, где сходятся силовые линии напряжения, исходящие от всех звезд и планет Галактики...

Любопытно.

Он открыл папку с документами и углубился в изучение материалов, найденных им в подвале дома.

«Во всех уголках земного шара мы встречаем титанические сооружения, возведенные в разное время, начиная от эпохи Каменного века и заканчивая первым тысячелетием до Рождества Христова.

Одним из знаковых каменных сооружений, расположенных в центре Европы, является Стоунхендж, в комплекс которого входит множество каменных блоков, образующих замкнутый круг. Грубо обработанные глыбы камня, которые мы привыкли обозначать термином «мегалиты», варьируются по своему весу от пяти до двадцати пяти тонн. По уточненным данным, они доставлены из каменоломен, расположенных на удалении в триста километров от места постройки, а сам возраст сооружения составляет сто сорок тысяч лет.

Не менее загадочное сооружение находится «по соседству», на территории бывшей Ирландии. Это Нью-Грандж. Постройка представляет собой каменное кольцо из шестисот пятидесяти блоков, окружающих курган, внутри которого позднейшие археологические раскопки выявили наличие внутренних комнат и залов.

Рассматривая вопрос о целесообразности строительства подобных сооружений людьми Каменного века, я пришел к закономерному выводу, который, впрочем, не нов: древние обитатели Земли не обладали теми знаниями и техническими возможностями, которые реализованы в этих титанических постройках.

В свете современных знаний о четырех расах древнего космоса логично предположить, что мегалиты возведены ими, но тут же возникает прежний вопрос: кто именно и с какой целью их построил?

Доподлинно известно, что Землю посещали логриане, но их визит носил разовый характер и преследовал сугубо научно-исследовательские цели.

Рассматривая вероятность строительства мегалитов иными известными нам расами древнего космоса, стоит вспомнить, что ни дельфоны, ни инсекты, ни хараммины не смогли сконструировать компактный гиперпривод и их планеты были связаны стационарными устройствами транспортировки, функционирующими на основе горизонтальных линий напряжения первого уровня гиперсферы. Но следует учесть, что горизонтальности аномалии, связанные с Землей, не ведут ни к одной из колонизированных древними расами планет, а значит, их регулярное появление на Земле исключается.

Следуя логике, стоит предположить, что нашу планету могли посещать существа, освоившие вертикаль гиперсферы, и в таком случае каждая титаническая постройка служит всего

лишь маркером – точным указателем места, откуда возможно попасть на вертикаль аномалии, осуществляя переход в иное пространство непосредственно с поверхности планеты...»

Андрей перевернул очередной лист, чувствуя, что информация постепенно начинает приобретать некоторую стройность, будто с каждым прочитанным словом в его голове вставали на свои места отдельные фрагменты мозаики.

Только он еще не мог предугадать, что выйдет, когда полотно логических выводов будет соткано полностью, от края до края...

Вновь углубляясь в чтение, он не вспомнил о маленьком колючем логре, что по-прежнему находился при нем. Странная видеозапись на время забылась, ее отгеснили иные, более свежие впечатления...

Это всегда так: истина где-то рядом, нужно лишь верно ухватить суть явления и правильно взаимосвязать разрозненные факты.

Андрей слишком увлекся чтением и упустил этот важный момент.

* * *

Неизвестная точка пространства...

Истекая кровью и расходуя последние силы, она доползла до подножия святилища. Вскарбкаться на холм Лана уже не могла – жизнь покидала ее стремительно и неумолимо.

Страшно было осознавать это. Ланита лежала на спине, изредка приподнимая голову, чтобы окинуть помутившимся взглядом сумеречные окрестности.

Никогда не думалось ей, что умирать придется вот так: истекая кровью от множества пулевых ран, ощущая полное поражение, слушая булькающий, сипящий звук собственного дыхания и...

От круга каменных глыб ее отделяло метров пятьдесят пологого травянистого склона, и в этом промежутке внезапно начали появляться смутные, призрачные фигуры.

Это были энергетические тела убитых ею храмовников.

Увидев их, Ланита не испугалась – все возможные муки уже были пройдены, она смирилась с собственной смертью, и чувство страха притупилось, исчезло, оставляя в душе лишь чувство безысходности, ощущение немощи умирающей плоти да обрывочные мысли, которые поддерживал угасающий разум.

Она в последнем усилии вцепилась окровавленными пальцами в землю, ощущая, как ногти продавливают ее, вторгаясь в сплетение корней росшей по склону травы.

Девять призрачных фигур шли прямо на нее. Со стороны казалось, что смутно очерченные человеческие контуры плывут в ночной мгле, едва заметно пульсируя при этом мертвым, холодным, лиловым свечением.

Они нашли ее, чтобы отомстить, а обессиленная Ланита не могла принять их вызова...

От пальцев рук внезапно пошло тепло.

Оно поднялось до локтей, затем выше, к плечам, притупляя саднящую боль от ран, давая еще несколько минут жизни...

Зачем? Не проще ли умереть без мучительного призыва стихийных сил, без сопротивления, просто отдавшись неизбежности?

Кто заложил в нее это качество – бороться до конца, даже умирая, когда нет ни шансов на победу, ни смысла продолжать борьбу?

Все рухнуло. Круг частично уничтожен, а частично – пленен, и теперь в ее мире правят люди Храма, которые презирают древнее учение, хотя и пользуются его наиболее грубыми и доступными приемами при подготовке своих бойцов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.